

**ДОМ
НЕПОРОЧНОГО
СЕРДЦА**

БЛАЖЕННЫЙ ЭКЗАРХ

**Специальный номер,
посвященный 80-й годовщине
мученической кончины
о. Леонида Федорова
(1879–1935)**

6 (27)
2014

«ДОМ НЕПОРОЧНОГО СЕРДЦА»

*Это журнал для всей семьи,
в котором люди любого возраста
найдут для себя что-то интересное*

**ОФОРМИТЕ
ПОДПИСКУ
НА 2015 ГОД**

Подпишитесь на журнал!

Стоимость годовой подписки: **600 руб.**

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка.

Наши реквизиты: ИНН 7820302153

КПП 782001 001, Р/с 40702810123000002273

в ОАО «Банк «Санкт-Петербург»

к/с 30101810900000000790, БИК 044 030 790

Отправьте нам копию квитанции по e-mail

или позвоните в редакцию по телефону 8(911)988-56-80.

Не забудьте указать ваш адрес!

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Россия, 196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Дворцовая, 15, пом. 1
beliykamen.sale@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** Слово пастыря
- 5** Слово главного редактора
- 6** Санкт-Петербург, детство и юность (1879-1902)
- 8** Присоединение к Католической Церкви и образование в Риме и Швейцарии (1902-1909)
- 10** Служение во Львове и рукоположение в Константинополе (1909-1911)
- 13** Монах-студит в ските Св. Иосифа в Каменице, Босния (1912-1913)
- 16** Ссылка в Тобольск (август 1914 – апрель 1917)
- 19** Экзарх в Петрограде (1917-1923)
- 29** Беатификация 27 июня 2001 года
- 34** В тюрьме (1923-1926)
- 37** Соловки (1926-1929)
- 40** Архангельск (1929-1933)
- 42** Кончина блаженного в Вятке (07.03.1935)
- 45** Духовность блаженного экзарха
- 52** Хронология
- 54** Избранная библиография
- 58** Молитва

«ДОМ НЕПОРОЧНОГО СЕРДЦА»

ТЕМА НОМЕРА:

80-я годовщина мученической кончины блаженного Леонида Федорова (1879-1935)

«Вся моя жизнь была построена на двух элементах: на любви к Церкви, к которой я присоединился, и на любви к Родине, которую я обожаю... С того времени, как я присоединился к Католической Церкви, единственной задачей моей сделалось приблизить мою Родину к той Церкви, которую я считаю истинной...»

16 Ссылка в Тобольск

«Моя жизнь принадлежит Родине, и я охотно отдаю за нее последнюю каплю моей крови, пусть только оставят в покое мою совесть, которая принадлежит Господу Богу и Ему Единому на веки! Аминь».

45 Духовность блаженного экзарха

«Россия – не Конго и Замбези, не Китай и Япония, куда нужно идти и проповедовать с крестом в руке, а страна с очень древней, в плоть и кровь вошедшей христианской культурой, в сущности своей вполне католической и искаженной только по форме и по своему применению на практике».

Журнал «ДОМ НЕПОРОЧНОГО СЕРДЦА»

Учредитель ООО «Белый камень»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39904 от 20 мая 2010 года ISSN 2219-9462

Адрес редакции: Россия, 196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Дворцовая, 15, пом. 1. www.beliykamen.com, beliykamen.sale@gmail.com

Главный редактор: о. Александр Бурго; зам. главного редактора: Станислав Карпенюк; корректор: Ирина Шейнман.

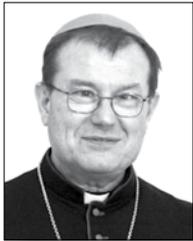
Перевод: Татьяна Федотова; дизайн и верстка: Станислав Карпенюк. Подписано в печать: 5 марта 2015 г.

Отпечатано в «Лесник-принт». 192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 201, лит. А, пом. 3Н. Заказ № 1503038. Тираж 2000 экз.

Использование материалов журнала возможно только с письменного разрешения редакции.

Редакция может не разделять мнения авторов публикаций.

Личность отца Леонида

Архиепископ Павел Пецци

“**Отец Леонид
являет своей
жизнью пример
удивительной
последователь-
ности и верности
избранному пути**”

Дорогие братья и сёстры во Христе, дорогие друзья!

Личность отца Леонида представляет для нас особый интерес. И не только потому, что на сегодняшний день он остаётся единственным из всех весьма многочисленных новомучеников и исповедников, прославивших Господа в России в двадцатом веке, кто удостоился быть прославленным в сонме блаженных. Одного этого было бы достаточно для проведения масштабных юбилейных торжеств. Однако отец Леонид являет своей жизнью ещё и пример удивительной последовательности и верности избранному пути. Впрочем, кажется, это лишь две стороны одного явления.

Избранный им путь был труден и тернист. О нём можно было бы сказать словами стихотворения, посвящённого отцом Сергием Соловьёвым другому мученику двадцатого века – епископу Петру Звереву:

Сибирь и Соловки, чрез эти грани
твой путь лежал от молодости ранней.

Действительно, страдальческий путь отца Леонида Фёдорова пролегал через те же «острова архипелага ГУЛАГ», что и путь владыки Петра. Оба они упокоились (как и автор цитированного стихотворения) в безымянной могиле, долгое время оставшейся безвестной.

Там, на далёких Соловках, в стенах древнего монастыря, обращённого врагами Бога и собственного народа в концентрационный лагерь, свидетельствовали свою жертвенную верность Христу и Его Евангелию сотни христиан: епископов, священников и диаконов, монашествующих, активных верующих. Среди них были также и отец Леонид, и владыка Петр. Принадлежа к разным историческим конфессиям, они преодолевали трагическую разо-

бщённость Христова стада в общем исповедничестве и мученичестве.

Свидетельства участников этих величественных и страшных событий донесли до нас рассказ о том, как вековое взаимное непонимание и вражда преодолевались в тех местах скорби и лишений. Как мирно и доброжелательно обменивались взглядами на кажущиеся неразрешимыми вопросы церковной истории и вероучения союзники, принадлежащие к разным церковно-историческим традициям. Например, отец Леонид Фёдоров, экзарх католиков восточного обряда, и епископ Илларион Троицкий, ближайший помощник Патриарха Тихона. Сегодня мы не можем не задаться вопросом: неужели и нам необходимо дойти до крайних пределов исторической ка-

тастрофы, чтобы узнать друг в друге (и, узнав, возлюбить всем сердцем) единоверцев и соотайнников?

Пусть это видение двух христиан – мирно беседующих в лагерной камере отца Леонида и архиепископа Иллариона, святых, прославленных в своих Церквях, как и в единой и единственной Церкви Христовой – сопровождает нас во время этой конференции, как пример отношений, угодных Богу.

Мне кажется, что невзирая на всю несхожесть обстоятельств жизни отца Леонида и времени, в какое живём мы, его жизненный путь и его подвиг удивительно современны и необычайно полезны для нас.

Приветствие участникам конференции «Блаженный Леонид Фёдоров: память и наследие» 14 декабря 2009

Уважаемые читатели!

В этом году 7 марта исполняется 80 лет со дня смерти блаженного священномученика экзарха Леонида Фёдорова. Это единственный человек, родившийся в границах современной России, который был причислен к лику блаженных Католической Церкви. Богослужение совершил Папа Иоанн Павел II 27 июня 2001 года. С помощью этого специального номера мы хотим распространить почитание блаженного Леонида Фёдорова. Для этого предлагаем рассказ о жизни экзарха, подготовленный на основе известных источников: прежде всего биографии, написанной диаконом Василием, и воспоминаний Петра Волконского. Для удобства чтения при цитировании эти двух источников текст не заключен в кавычки. Почитатели Л. Фёдорова также смогут найти для себя некоторую новую интересную информацию. Четырнадцать лет назад Католическая Церковь предложила нам экзарха Леонида в качестве заступника и образца святости. Мы надеемся, что этот номер журнала даст нам возможность поразмышлять о его жизни и попросить о его заступничестве.

о. Александр Бургос, главный редактор

Санкт-Петербург, детство и юность (1879-1902)

Семинарист Федоров в Ананы

“**Инспектор, епископ Феофан (тогда – Ямбургский), «человек редкой и святой жизни», по словам Федорова, ставившего его очень высоко, сказал, когда тот явился к нему: «Знаю, куда едешь, знаю, зачем. Ну, Бог с тобой!»**”

Леонид Федоров, будущий русский католический экзарх, родился на свет в Санкт-Петербурге. Это было в воскресенье, 4 ноября 1879 г., в 6 часов утра. Можно предполагать, что его родители снимали тогда квартиру в Казанской части, одним из наиболее старых и заселенных районов Северной столицы. Здесь жили по преимуществу купцы и чиновники среднего и ниже среднего круга. Дед Леонида, Федор Захарович, был крепостным. Отец его, Иван Федорович, был поваром и принадлежал к петербургской поварской артели. Он держал в этой части города ресторан «Малоярославец», памятный старым петербуржцам и характерный именно для Казанской части.

В этом же районе города, на Казанской улице, на углу Демидова переулочка, находилась 2-я петербургская гимназия, в которой учился Леонид Федоров. Это и говорит в пользу предположения, что его семья жила тоже в Казанской части, так как в старом Петербурге мальчиков помещали чаще всего в ту гимназию, которая была ближе других к их дому.

Мать Леонида, Любовь Дмитриевна, была художницей, писала очень недурно и, вместе с врожденным чутьем, передала сыну и тот византийский дух, который в нем так удивительно сочетался с чисто русским складом души. О. Иоанн Дейбнер, в написанном им некрологе Л.Д. Федоровой, засвидетельствовал, что «все, кто знали эту незаурядную христианку, не могли не отметить в ней черты той крепкой и сильной женщины, о которой говорит Библия. Здоровый, чисто русский ум, честность и прямота сердца, ревностное благочестие и вера отличали цельную натуру этой недоужинной женщины». В его словах нет преувеличения. Дневник, который она вела годами, и глубоко содержательная и обширная переписка с сыном и митрополитом Андреем ярко отражают упомянутые духовные черты матери о. Леонида. Сыну своему она дала много по существу и в то же время не очень много по содержанию. Она сама приготовила сына к первой исповеди. Впоследствии она, по примеру сына, присоединилась к Католической Церкви и была одним из самых деятельных членов русского католического прихода, зародившегося в Петербурге в начале нынешнего столетия.

Чтобы узнать, как формировалась совесть и мировоззрение будущего экзарха, лучше всего обратиться к его словам: Мысль о монашестве зародилась у меня еще в России, когда мне было всего 14 лет. В это время я в первый раз прочитал Библию и некоторые ее книги, а именно: книгу Иова, Экклесиаста и Премудрости Соломона. Они произвели на меня неотразимое впечатление: блеск мира, его приманки, земные идеалы показались мне простой

мишурой, беганьем белки в колесе, истинной “суею сует”. На меня напала невыразимая тоска, доходившая до тупого отчаяния, так как к мрачным взглядам я был отчасти расположен с самого детства. Необычайная впечатлительность моего характера и внимательность к окружающим меня людям и событиям позволила

мне видеть и проникать в такие уголки человеческой совести, какие недоступны другим даже взрослым... Постоянно звучали в ушах слова Экклесиаста: “Кто умножает познания, умножает скорбь”. Вот эта-то скорбь и была первым толчком на пути монашества. Не стремление уйти от греховного мира, а просто от скучного, пошлого мира, закрыть глаза на калейдоскоп жизни и открывать их только для созерцания вечности.

Потом наступило время философского развития. Я наперерыв читал Канта, Гегеля, Фихте, Якоби, Малешотта и других. Мать всегда держалась того оригинального мнения, что молодой человек должен читать всё и сам во всем разбираться без посторонней помощи. Не было поэтому книги настолько атеистической и грязной, которую я не мог бы прочитать. Я властью зачитывался французскими романистами, не минула меня и итальянская эпоха Возрождения со своей разлагающей литературой, период немецкого Zerstreung был также мне известен: одним словом, моя голова стала похожа на помойную яму, куда сливаются всякие отбросы. В России неизвестна гармония жизни и веры: в одно и то же время я мог читать Поля де Кока, задумываться над Якоби и восхищаться Иоанном Златоустом. Но Господу было угодно спасти и вырвать меня из этого хаоса.

Мне было уже 17 лет, когда после Шопенгауэра и Гартмана мне попались под

руку буддийские книги. Почва моего самообразования была настолько подготовлена к мировоззрению буддийского философа, что я, прочитывая сутру за сутрой, казалось, читал свои собственные мысли.

Мне было уже 20 лет, когда путем усердного чтения и изучения святых Отцов, Соборов и истории Церкви я пришел

“**Мне было уже 20 лет, когда путем усердного чтения и изучения святых Отцов, Соборов и истории Церкви я пришел к убеждению в истинности Вселенской Церкви**”

к убеждению в истинности Вселенской Церкви. Благодать Господня, осиявшая меня в тот же самый момент, когда я уже терял веру, произвела во мне новый переворот и напомнила о живом, реальном Христе – Спасителе мира. Я стал сознательным верующим, апологетом христианства, посвятившим всю свою жизнь за-

щите и распространению учения Церкви: мое решение стать священником становится непреклонным. Но как быть? В русской Церкви священнику необходимо жениться, а мне было противно даже думать о браке. Переходить сейчас же в католичество я еще боялся и хотел, по крайней мере, окончить духовную академию и проработать три года священником, чтобы написать магистерскую диссертацию. Единственный выход – монашество. Впрочем, факт пострижения освобожден у нас в России от новициата и духовных подвигов. В один месяц студент третьего курса академии постригается в совершенные монахи, становится через неделю диаконом, а потом живет как вольная птица, без всякого контроля... Я знал, что жизнь русского монаха-«ученого» – только жалкая карикатура истинного монашества. Изучая творения восточных аскетов, я понял, что монашество – это усовершенствование себя путем мучительной борьбы и приближение к Иисусу Христу. Наконец я решил сделать бесповоротный шаг и уехать за границу с целью стать католиком.

Присоединение к Католической Церкви и образование в Риме и Швейцарии (1902-1909)

“
Первое
впечатление
о. Владимира
Абрикосова
о Федорове:
«Талантливый,
остроумный,
прекрасный
оратор, но
главное – глубоко
духовный,
религиозный
и церковный,
и пронизанный
фанатически
в самом хорошем
значении идей
соединения
Церквей в чисто
восточном духе»
”

По окончании классической гимназии Леонид Федоров поступил в Православную духовную академию в Петербурге. После разговоров с настоятелем церкви Св. Екатерины, будучи на втором курсе, в 1902 г. он внезапно покинул академию, уехал в Рим и принял католичество. Сам он так объяснил свой поступок: «Мне было уже двадцать лет, когда путем усердного чтения и изучения святых Отцов, Соборов и истории Церкви я пришел к убеждению в истинности Католической Церкви». Надо сказать, что в то время переход в католичество для православного русского был нелегким шагом. За это можно было угодить в тюрьму. И вплоть до начала Первой мировой войны Леониду Федорову пришлось жить вдалеке от Родины, от своей матери. Но он не мог поступить иначе, ведь это означало бы пойти против своей совести, а значит, против Самого Бога.

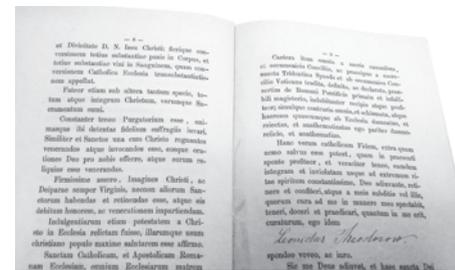
Путь его пролегал через Львов, находившийся тогда в австрийской Галиции. Львовский митрополит украинских греко-католиков, слуга Божий Андрей Шептицкий – который в тогдашней религиозной и политической ситуации не вполне оправданно рассматривался Россией исключительно в качестве деятеля враждебного – этот, по известному выражению, «Моисей украинского народа», – произвел огромное впечатление на молодого Леонида Федорова. Восемь дней во Львове прошли в беседах и общении с митрополитом. С этой встречи жизнь и служение Леонида Федорова оказались тесно сплетенными с судьбой и служением Церкви митрополита Андрея Шептицкого.

Из Львова Леонид Федоров отправился в Рим. Здесь, 31 июля 1902 г., в знаменитой церкви Дель Джезу он воссоединился со Вселенской Церковью. Вскоре после этого

события о. Иоанн Сциславский удостоился аудиенции у Папы Льва XIII и представил ему Леонида Федорова. Папа направил его в недавно основанную в 60 км от Рима семинарию «Leonianum» в Ананьи. К этому времени прибыл в Рим и митрополит Андрей и выхлопотал Федорову папскую стипендию. 20 октября, под именем Leonidas Piette, он поступил в семинарию, в которой протекли в усиленной работе первые четыре года его подготовки к священническому служению.

В иезуитской Папской коллегии в Ананьи под Римом Леонид Федоров пробыл до 1907 года, но курса закончить не смог, так как русское посольство в Риме пригрозило ему, что если он продолжит свое пребывание в иезуитском учреждении, то ему будет запрещен обратный въезд в Россию. Второго

Акт присоединения Леонида Федорова к Католической Церкви

«– Мне очень интересно знать, как же вы это так убедились в истинности Римско-Католической Церкви? – сказал протоиерей Георгий Полянский, настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что на Песках.

– Как Вам сказать, батюшка, – отвечал я, – ведь это очень сложный психологический процесс. Вообще же я дошел до этого, так сказать, научным путем: читал святых Отцов, деяния Соборов, древних церковных историков и увидел, что правда на стороне католиков».

(Л. Федоров, отчет о поездке в Россию. 17.05.1912)

Церковь Дель Джезу в Риме

ноября 1907 года он перебрался в коллегию De Propaganda fide в Риме. Но и здесь посольство не оставило его в покое, и 26 июля 1908 года он переехал в Швейцарию, где во Фрейбургском университете и закончил в 1910 году свое богословское образование.

«Католическая Церковь была для меня не только источником познаваемой вечной истины, но и стала для меня новой силоамской купелью, из которой я вышел совершенно обновленным, – пишет Федоров в своем письме-исповеди. – Годы учения, в особенности в Ананьи, были для меня почти новым откровением. Строгая регулярная жизнь, ясная, светлая умственная работа, жизнерадостные окружавшие меня товарищи, неспорченные современной атеистической культурой, даже сам народ, живой, умный, пропитанный насквозь истинно христианской цивилизацией – всё это подняло меня на ноги и вдохнуло новую энергию. Здесь я горячо полюбил не только вообще народ, но и, в частности, наш русский народ, и сделать что-нибудь для бедного, смиренного русского народа-аскета стало необходимой потребностью».

Во время учебы он свободно овладел латинским, итальянским и немецким языками. Под псевдонимами Д-р Леони или Кремони (Dr Leoni или Cremoni) он напечатал ряд богословских и исторических трудов в пражской Slavorum Litterae theologicae и в Roma e l'Oriente в Гротта-Феррата. Принимал участие в Велеградских съездах, где на латинском языке выступал с докладами и принимал участие в прениях.

Служение во Львове и рукоположение в Константинополе (1909-1911)

Митрополит
Андрей Шептицкий

“
Господь
благословил!
Вашего высоко-
преосвященства
нижайший церей
Леонид”

Летом 1909 г., по окончании Фрейбургского университета, Федоров пробыл около двух месяцев в Риме, оттуда поехал в Львов к митрополиту Андрею и там оставался до 1911 года. Занимал место библиотекаря, префекта и учителя богословия в основанном митрополитом Андреем студийском институте. Владыка сам написал очень интересный устав для Львовского института. Возле кафедрального собора была устроенная им бурса, общежитие для певческих учеников, названная теперь Студион. Митрополит думал о своих студийских иноках, которые под его руководством начали уже восстанавливать в Скнилове монашескую жизнь по восточным традициям. Но наряду с этим митрополит Андрей имел в виду и другое. Он создал довольно большую библиотеку, в которой были собраны русские и иностранные религиозные книги о Востоке и Восточной Церкви. Здесь же он устроил и домовую церковь, построенную и украшенную согласно традициям.

Но тогда это были только зачатки Студийского научного института, префектом которого и преподавателем митрополит Андрей назначил Федорова. В институте было несколько русских студентов, в числе их Глеб Верховский, будущий католический священник и сотрудник Федорова-эксарха. Молодому префекту пришлось приняться за дело очень энергично, так как порядки у студийцев в институте успели уже установиться довольно своеобразные. «Но с моим приездом, — пишет Федоров, — все это моментально изменилось». Он описывает подробно,

Львов, начало XX века

что застал и что предпринял, делая «очень энергичные представления» и вступая «в крупные разговоры», даже «пригрозил пожаловаться» митрополиту.

Из этого «царства», в период 1910–1914 г., Федоров по поручению митрополита Андрея ежегодно совершал поездки в Россию. Митрополит посылал его туда поддерживать связь с людьми, причастными к зарождавшемуся русскому католицизму, и информировать о происходившем

в России, особенно в той области, которая была для него наиболее интересной в связи с апостольской работой. Кроме того, владыка давал Федорову и отдельные поручения.

Первое пребывание Леонида Федорова в России продолжалось ровно месяц — с первого по 30 января 1910 г.; почти три недели он прожил в Петербурге, шесть дней пробыл в Москве и один — в Богородске. Первого февраля 1911 года Леонид Федоров опять приехал в Петербург, волей неволей тоже «инкогнито», т. е. с чужим паспортом. Пребывание его в России было на этот раз короче, чем в первый приезд. Все время, с первого по 24 февраля, кроме пяти дней (проведенных, в общем, благополучно, хотя и с неожиданным осложнением в Москве), он прожил в Петербурге.

До нас дошли письма Леонида Федорова митр. Андрею с отчетами об этих поездках. Он старается быть глазами митрополита Шептицкого, здоровыми оценками и суждениями помогать ему сформировать верное представление о ситуации в России.

Тщательно и объективно он пишет обо всем, что может иметь значение для дела: об отдельных группах русских католиков и о русских католических священниках — об их умонастроениях, поведении, взглядах; о латинском католическом духовенстве — об отношении разных его представителей к русской культуре и греко-католическому делу; наконец — об умственных направлениях, существующих среди православного высшего и среднего духовенства (и об отдельных ярких его представителях: так, весьма занимательна критическая характеристика богословия митрополита Антония Храповицкого, в то время — митрополита Волынского, с которым Леонид Федоров общался лично).

Вскоре после возвращения Леонида Федорова из России митрополит Андрей отправил его для рукоположения в Константинополь. Сам он посвятил Федорова только в чтеца и иподиакона. Учитывая отношение к себе русского правительства, митрополит Андрей решил воздержаться от рукоположения Федорова в священники. Ему казалось, что для будущего апостольского служения отца Леонида в России лучше избежать могущих быть на этой почве осложнений с правительством и не

Константинополь, начало XX века

создавать затруднений. Предосторожность эта, однако, не имела большего действия, чем попытки Федорова скрываться от наблюдения русских шпионов при помощи «псевдонимов», к которым он прибегал

Епископ Михаил Миrows

в студенческие годы. Тем не менее митрополиту Андрею казалось все-таки лучшим, чтобы рукоположение Федорова состоялось не в Галиции, а в Константинополе. Болгарский католический епископ Михаил Миrows рукоположил его в болгарской католической церкви Пресвятой Троицы в Галате: 22 марта 1911 г. – в дьяконы, а 25 марта – в священники. Федоров сообщил об этом радостном событии своей жизни телеграммой митрополиту Андрею: «ГОСПОДЬ БЛАГОСЛОВИЛ! ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА НИЖАЙШИЙ ИЕРЕИ ЛЕОНИД.

В августе русское консульство в Риме пригласило его по вопросу о продлении заграничного паспорта. Из Рима он написал митрополиту, что консул принял его очень любезно и в разговоре с ним не было даже намека о поездке в Россию с чужим паспортом и об обыске в Москве.

Сам о. Леонид вспоминает: «Несмотря на всю мою признательность и глубокое

уважение к архиепископу Галиции, я не решился принять от него рукоположения, чтобы не связывать себя с русинской Униатской Церковью, сильно латинизированной и колеблемой волнами национальных страстей. С просьбой о рукоположении я обратился к болгарскому униатскому архиепископу Михаилу Миrows, имеющему свою резиденцию в Константинополе с титулом епископа Феодосиопольского. 20-го марта 1911 года он посвятил меня в дьяконы, а 25 – во священники. Хотя после этого я и продолжал еще целый год исправлять мои обязанности в студитском институте, но скоро увидел, что дальнейшее мое пребывание там невозможно. Украинское течение усиливалось, и с каждым днем. Нужно было или присоединиться к нему, или явно выступить против него. Ни того, ни другого я не имел права сделать, чтобы не смешать дело религии с человеческими страстями. Однако я не мог скрывать моих мыслей и скоро, несмотря на могущественную протекцию митрополита Андрея, сделался крайне нежелательным лицом для украинского элемента. Не сладко мне приходилось и от «новокурсников» (сторонников Маркова и Дудыкевича), которые называли меня «перекинчиком», отщепенцем и изменником России. Столковаться с ними я, конечно, не мог. Пусть они были горячими русскими патриотами, но их образ действий по отношению к католическо-униатской Церкви и простым верующим был всегда одной сплошной цепью обманов, интриг и гнусных клевет (в особенности против митрополита Андрея). Мне оставалось только держаться старорусского кружка, который, несмотря на свои горячие симпатии ко всему русскому, оставался верным Риму.

Митрополит Андрей, понимая всю трудность моего положения, предложил мне отправиться в Боснию в качестве священника для галицких эмигрантов. Я с радостью ухватился за это предложение, тем более что серьезно подумывал о вступлении в находившийся там монастырь Св. Иосифа (Студийский орден). Я пробыл 1 год и 8 месяцев. К сожалению, я скоро убедился, что мое призвание колеблется, и дело дальше послушничества не пошло».

Монах-студит в ските Св. Иосифа в Каменице, Босния (1912–1913)

Задерживали теперь о. Леонида в миру лишь дела, которыми он был связан, прежде всего по должности префекта новооснованного Львовского института. «До полного установления порядка мне нечего и думать вступать в новициат, – писал он митрополиту Андрею 18 августа 1911 г., – ибо иначе монахи будут делать все, что им взбретет в голову». Однако и тут всё в конце концов вошло в свою колею, умиротворилось, и «прижимистые монахи», ведавшие в институте хозяйственными делами, подчинились установленному порядку. После этого произошла другая задержка из-за новой поездки в Россию, куда митрополит Андрей опять послал о. Леонида. Он выехал в ноябре 1911 г., а вернуться смог только в апреле следующего года. В мае он был уже в Каменице.

Отец Леонид проходил свой послушнический искуc под руководством старца Иосифа и закончил его 12 февраля 1913 г. Об этом он сообщил владыке Андрею откровенной следующей содержания: «Сегодня Господь сподобил меня принять на себя первые знаки ангельского образа. В сердце наступил какой-то неожиданный покой. Дай, Господи, чтобы этот мир душевный остался невидим со мной, а не был только мимолетным аффектом».

Вот как протекал день о. Леонида в скиту Св. Иосифа. Он вставал в 3:45 мин. В 4 ч начиналось получасовое богомыслие. В 4:30 – утренняя и обедня, в 7:45 – завтрак. От 8 ч до 11:45 он был на работе, после которой полагалось 15 мин на испытание совести. В 12 ч – шестой час. От 12:15 до 12:40 – обед, после него до 1:15 – рекреация, а затем до 5 ч вечера снова работа. Сразу после нее полчаса – пение и катехизис и полчаса – духовное чтение. В 6 ч – вечерня, в 6:45 – ужин. После него, от 7:5 – 30 мин свободного времени. От 7:35 до 8:5 – вечерние, после которого 15 мин – испытание совести и 10 мин – свободное время. В 8:30 – отход ко сну. В полночь – полунощница до 12:35.

«Нет и того, на что я всегда претендую, т. е. покаянного настроения. Моя любимая молитва: "Господи и Владыко живота моего", моя любимая практика – канон Андрея Критского. А между тем покаяния-то мне и недостает. Недостаток сознания, что я пришел в монастырь вздыхать, как мытарь, и обливаться слезами, как блудница...»

В Каменице, в этом благодатном уголке Боснии, так обильно оделенном всеми благами умеренного климата, первым ощущением о. Леонида была радость: «Мне кажется, – пишет он, – что только теперь я начинаю жить для самого себя, жить так, как я уже давно хотел. Слаще всего – сознавать свою изолированность от всего мира, полное незнание всех его суев и мелочных забот...»

«В церкви так холодно, что коченеют ноги и руки». «Вилоч не признаём, салфеток тоже. Воду пьем из общих кружек. Кушанья – самые природные. Наш повар, смиренный брат Иоахим, руководствуется духом земли. Он берет всякие травы и корни, кладет их в горячую воду – обед готов. После работы в винограднике я готов съесть не только блюдо о. Иоахима, но, кажется, и старую

подошву!» «Плохо идет с умерщвлением очей; немислимо воздержаться, чтобы не любоваться на окружающую роскошную природу, но думаю, что это не запрещено, потому что иначе как могли бы пустынноики восхвалять Творца в делах Его...» «Вы писали настоятелю, чтобы я имел только от двух до трех часов работы в день, но я сам прошу его давать мне как можно больше работы. Загорел, как арапчонок, хожу босой, столярничая, плотничая, молочу, пашу, работаю в винограднике и на огороде, исполняю домашние работы. Никакой усталости не чувствую и всем доволен».

Отец Леонид правильно называл гордость «дьявольским пороком». Видя себя совершенно непричастным этому пороку, о. Леонид искренне считал себя «чистым и блаженным» и в этом, несомненно, был прав; естественно, что в результате этого у него началось «самоулаждение собственными совершенствами». Дьявол быстро подвел итог достижениям о. Леониды и показал их ему в такой привлекательной форме, что тот возгордился: «Другие стараются и боятся за приобретение богатства, славы, положения в обществе, а я смеюсь над этой суетой, я жалею и презираю этих жалких глупцов, не понявших жизни, я бесконечно выше их... Я стремился только к одному: показать всем, что я не горд, что я презираю самолюбие, честь, блеск и славу». Он признался: «Я гордился тем, что не имею гордости. Отсюда оставался уже один шаг до сверхчеловека». Тем не менее, благодать раскрыла ему лукавый маневр отца гордости. Отец

«Встаю на полунощницу каждую ночь свежим и бодрым и чувствую какое-то особенное благоговейное ощущение (если можно так выразиться) от всех предметов, находящихся в церкви, по которой бродят огромные тени, бросающиеся свечами, стоящими на клиросах...»

Леонид сказал о себе: «Сделавшись сознательным христианином, я понял, что здесь нет даже и следа смирения, потому что нет благодарности Богу за данный Им мне дух отречения от мира, ибо только Его благодать произвела во мне такую перемену». В то же время ему уже понятно, что «...монах как раз наоборот: чем он совершеннее, тем он считает себя недостойнее, слабее и несчастнее самого последнего грешника, ибо душа его настолько утоньшилась под непрерывным воздействием благодати Господней, что он видит самые микроскопические недостатки и несовершенства своей природы». От своего «Я» он еще не вполне отрешился. Он слишком активен аскетически и недостаточно пассивен мистически, много рассуждает и мало созерцает. Упорная работа над своим освящением в условиях монастырской жизни помогла о. Леониду сделать большой шаг вперед – значительно освободиться от связывавшего его «Я» и этим еще больше созреть для ждавшего впереди миссионерского дела. Но высшей цели монашества – совершенной жизни в Боге – он тогда еще не достиг в полноте. Слишком оупутьвало его призвание к активной работе в миру и мешало стать на путь чистого созерцания. Кроме того, жизнь в монастыре была для него не тем пожизненным заключением, в котором умирает во Христе ветхий человек, а скорее – рядом длительных, очень назидательных и плодотворных, но временных духовных упражнений. Не прошло и двух лет, как митрополит Андрей послал его снова в Россию. Иные, более сильные и без промедления ведущие к цели средства ждали о. Леониды еще впереди, а с ними и полнота освящения.

«Товарищество, пожалуй, умерщвляет меня больше всего. Недостаток обмена мыслей с образованными людьми и отсутствие научных бесед сказывается. Но я думаю, что Господь хочет, чтобы я научился более обращаться с простыми людьми, у которых нам, интеллигентным, можно многому научиться. Главное затруднение – как и чем заинтересовать

их во время разговоров и на рекреациях; нужно плыть между Сциллой и Харибдой, искусно мешая "сладость божественных словес" с солью мирской мудрости. "Правда, нет недостатка среди наших схимников в умных и развитых людях, но все-таки их кругозор не подходит к моему: мне нужно входить в их оболочку, чтобы понять их и чтобы они меня поняли; приходится выслушивать всякие нелепые истории о святых и их невероятных чудесах. Я кусаю себе губы, чтобы не засмеяться, но иногда берет досада на их религиозное невежество и некультурность».

о. Леонид Федоров (стоит второй слева) с монахами-студитами

В студийском монастыре в Каменице о. Леонид как доверенное лицо митрополита Андрея (Шептицкого) оказал важное влияние на дальнейшую судьбу студийского монашества. Глубоко изучив в годы учебы в Петербургской духовной академии, а затем на Западе как православную, так и католическую монашеские традиции, о. Леонид указывает на основные, с его точки зрения, недостатки студитов – низкий уровень образования и незнание восточного обряда и равнодушие к нему. Цель реформы, которую он предлагает митрополиту Андрею – ввести аскетические идеалы и богослужебные практики, присущие монахам Востока. В силу разных причин как реформа студийских монастырей, так и монашеские устремления самого отца Леониды (монашеское имя о. Леониды) остались нереализованными: последние более чем двадцать лет своей жизни он вынужденно пребывал вне мо-

настыря. Тем не менее монахи-студиты неизменно воспринимали его как свой идеал и были в числе первых, кто ратовал о его прославлении.

Говоря о своем внутреннем состоянии, о. Леонид отмечает недостаток сосредоточенности и сетует, что у него «мысли все уносятся куда-нибудь в сторону. Или я витаю в области философии и апологетики, или строю планы на будущее русской жизни, или думаю, вообще, о судьбах России и т. д.»

В конце 1913 г. о. Леонид стал готовиться к поездке на Афон, чтобы изучить там жизнь православного монашества в русских и греческих монастырях. В качестве пособия он намеревался использовать синодальный типикон и просил митрополита Андрея прислать ему таковой. В связи с указаниями, полученными от лиц, хорошо знавших Афон, о. Леонид составил себе план поездки, которая должна была начинаться русским монастырем Св. Пантелеймона.

Уж слишком ясно было выражено подлинное призвание о. Леониды. Он должен был непременно стать монахом, чтобы выполнить свою миссию; монашество являлось для него не самоцелью, но лишь средством. Ему нужно было поработать над собою в монастыре, чтобы потом быть монахом в миру, подобно тому как он до сих пор работал над собою в миру, чтобы стать монахом в монастыре.

Ехать в Россию было еще преждевременно. Но митрополит каждый год посылал его в Россию на несколько недель для поддержания связи с русскими католиками и получения сведений о положении дел в России. Три обширных и интересных доклада о. Леониды свидетельствуют о том, насколько добросовестно он относился к этим поручениям.

Ссылка в Тобольск (август 1914 – апрель 1917)

“
В Петербурге
за мной пускали
шпиков,
посылали мне
провокационные
письма, делали
доносы на моих
знакомых.
Нашлись какие-то
домашние
предатели,
которые сообщали
властям о каждом
моем шаге”

После убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 года, предчувствие войны распространилось по всей Европе. Леонид Федоров, который находился в Константинополе, решает вернуться в Россию: «22-го июля я выехал на пароходе в Одессу, когда турки уже начали реквизируют все отплывающие пароходы, и выход из Босфора был минирован (шедшее за нами английское грузовое судно взлетело тогда на воздух)».

Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. Четвертого августа Леонид Федоров пришел к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий Е. В. Менкину: «Между тем 4 сего августа ко мне явился Леонид Федоров и заявил, что он вновь возвратился в С.-Петербург».

Не прошло и двух недель, как о. Леонида арестовали и объявили, что он ссылается на жительство в город Тобольск, под надзор полиции. Русское правительство смотрело на митрополита Андрея как на заядлого врага России. Ни для кого не была секретом близость к нему о. Леонида. В глазах властей он являлся «агентом митрополита Шептицкого». Война с Австрией придавала теперь этому обвинению особый оттенок. Правительство не замедлило воспользоваться случаем удалить из Петрограда нового католического священника восточного обряда, тем более что оно могло считать его опасным шпионом.

Вот что пишет об этом периоде Павел Парфентьев: «В эти же годы начинает Леонид Федоров и просветительскую работу в России. В русском католическом журнале “Слово Истины”, основанном в Петербурге и начавшем выходить с 1913 года, он размещает ряд историко-апологетических статей. В них он старается развеять распространяющиеся официально-православной пропагандой исторические мифы, касающиеся влияния Рима в ранний период церковной истории. Сохранившиеся историко-апологетические статьи автор настоящего сообщения опубликовал в сборнике “С терпением мы должны нести крест свой...»: документы и материалы о жизни и деятель-

ности блаженного священномученика экзарха Леонида (Федорова)” (СПб, 2004). Среди них статьи: “Рим и иконоборческая ересь” – о роли Римского епископа в преодолении иконоборчества и о том, как в ходе иконоборческих споров восточные Отцы Церкви подтверждали своими действиями и писаниями первенство Римской кафедры; “Страничка из религиозной полемики XIII века” – о признании греками этого периода особого церковного значения Римской кафедры; “Вопрос о папской власти в XI столетии” – анализирующая события, связанные со схизмой 1054 г., и “Дар Константина” – статья, посвященная расхожему мифу о месте этого псевдоэпиграфа в обосновании папского примата».

Из письма о. Леонида к С.Д. Сазонову от 3 декабря 1914 г. можно узнать об этом периоде жизни блаженного экзарха: «Прибыв в Петербург, я отправился к директору департамента иностранных исповеданий г-ну Менкину с просьбой разрешить иметь хотя бы только священнический паспорт, как оо. Дейбнеру и Зерчанинову. Все было решительно отклонено, даже запрещено служить обедню в латинских церквях. Г-н Менкин сказал мне, что я человек опасный, что Дейбнера и Зерчанинова департамент знает, а меня нет, что о моей вредной деятельности им известно из неофициальных источников и т.п. “К сожалению, – сказал он, – мы не имеем никаких данных, чтобы начать против Вас судебное преследование”. Тогда я решил выяснить вопрос о моем от-

Тобольск, начало XX века

ношении к войне. Пролить кровь священнику можно только в крайнем случае, когда отечество находится на краю гибели. Поэтому я предложил свои услуги в качестве военного священника для католиков, с тем, что я добуду разрешение преподавать им св. таинства по латинскому обряду (дабы избежать “униатского обмана”, как выразился сам г-н Менкин). Но от такой мысли его превосходительство пришли в панический страх.

Через несколько дней ко мне на квартиру нагрянули силы полиции, сделали обыск, отправили меня в охранное отделение, сняли допрос, продержав две недели, объявили мне, что я “высылаюсь” в Тобольскую губернию. На все мои недоумевающие вопросы “за что же?” мне было заявлено, что я признан “неблагонадежным”. Все это – без малейшего суда и расправы, без минимальной возможности хоть “пикнуть” в свое оправдание».

5-го августа я уже был в Тобольске, где и должен киснуть во все время существования военного положения. Мои знакомые старались освободить меня и узнать при-

«Слово Истины»

«Бедный журнальчик похож на угловое суденышко, колеблемое грозными волнами. Одни его хвалят, другие проклинают; самое интересное то, что более всего ему достается от самих же русских католиков, т. е. в большинстве случаев от московских. Латинский клир относится к нему различно. Старики и русофобы или с ужасом отвертываются от него, или же ворчат и сердятся, называя его “глупостью”, “опасной игрушкой”, “провокацией” и т. д. Но молодой клир и ученый элемент встречает его с восторгом. Я пропагандировал его как только мог».

чину ареста. На то получился следующий ответ: “Иеромонах(?) Федоров сослан за крайне опасную деятельность”. Только по разговору с господином Менкиным и по тому допросу в охранном отделении я понял, что меня подозревают в какой-то “пропаганде” и в близких отношениях к митрополиту Андрею (“личный секретарь”; это же обвинение фигурировало и в доносе на меня до последнего выезда за границу).

Я специально осведомился у господина Менкина: что означает заниматься противозаконной пропагандой. Он объяснил мне, что русские законы запрещают инославным насилловать совесть православных христиан, что, следовательно, запрещена активная пропаганда словом (напр., приходиться к кому-нибудь и стараться “совратить его”), чтение лекций, выступление в общественных собраниях с целью пропаганды католицизма и совершение открытых общественных богослужений лицам, не разрешенным правительством.

Я могу принять присягу, что ничего подобного не делал. Конечно, я принимал близко к сердцу интересы русских обращенных, помогал им моими знаниями и советом, с радостью принимал их во Львове и Риме, но отнюдь не являлся у них каким бы то ни было официальным лицом. Я прошу, чтобы мне показали такого православно-го, чью совесть я бы “насилывал” активной пропагандой! Признаю себя виноватым. Пожалуй, мне скажут, что, вращаясь среди моих знакомых, я отвечал спрашивающим меня о моем переходе в католицизм, вошел в рассуждения на религиозные темы

«Неужели же я не мог бы жить в Петрограде или Москве, где нашел бы себе работу, вместо того чтобы заниматься попрошайничеством у знакомых? Моя жизнь принадлежит Родине, и я охотно отдам за нее последнюю каплю моей крови, пусть только оставят в покое мою совесть, которая принадлежит Господу Богу и Ему Единому на веки! Аминь».

и защищал мою веру. Да, это бывало! Но кто же этого не делает? Или, быть может, мне нужно было на обращенные ко мне вопросы отвечать: “Виноват! Начальство не приказало говорить на эту тему!”?

Я не могу пожаловаться на притеснение местных властей. Живу спокойно, никто ко мне не придирается. Но центральная власть даже и теперь не может оставить меня в покое. До сих пор я мог у себя дома совершать тихие литургии. Комната всегда была заперта, на обеднях никто не присутствовал, но недавно и это запретили. Я не делал из этого тайны, а с самого приезда осведомил об этом вице-губернатора и полицмейстера, тем более что и сам г-н Менкин согласился с тем, что у себя дома и один я волен делать все, что мне угодно. Кроме единственно оставшегося для меня духовного утешения, обедни были единственным средством моего существования, хотя далеко не достаточным ввиду современного вздорожания жизни даже в Сибири. Я подал прошение о выдаче мне причитающегося пайка, но уже два месяца как меня кормят только обещаниями. Бог с ними, с деньгами! Сидеть впроголодь мне не впервой. Пусть запрещают получать мне плату за обедни, но пусть разрешают служить хоть самые обедни. Ведь это единственное мне духовное утешение! Бесценная Кровь и Святое Тело Спасителя поддерживают меня в этой тупой, мертвящей атмосфере, в которой нет никакого выхода для моей энергии!

Ваше высокопревосходительство! Позвольте и на этот раз апеллировать к Вашему благородному сердцу! Война сделала Ваше имя популярным, и Ваше желание будет уважаемо повсюду. Неужели же я не мог бы жить в Петрограде или Москве, где нашел бы себе работу, вместо того чтобы заниматься попрошайничеством у знакомых? Моя жизнь принадлежит Родине, и я охотно отдам за нее последнюю каплю моей крови, пусть только оставят в покое мою совесть, которая принадлежит Господу Богу и Ему Единому на веки! Аминь.

Вашего высокопревосходительства покорнейший и благодарный слуга греко-католический священник Леонид Федоров».

Экзарх в Петрограде (1917-1923)

В 1917 году после Февральской революции о. Леонид Федоров был освобожден из ссылки и вернулся в Санкт-Петербург. Опечатанную греко-католическую церковь на Бармалеевой улице открыли в середине марта. Отец Леонид приехал к самой Пасхе, в Страстную субботу, четвертого апреля. Русские католики ждали с нетерпением его возвращения из Тобольска; заказали ему митру и золотой наперсный крест старинного образца по рисунку о. Глеба Верховского. Вот что записала С. А. Лихарева о пережитом ею в эти светлые дни: «Пасха 1917 г. была нашим торжеством. В Божественном домостроительстве она была моментом "Преображения". Уже было известно, что владыка Андрей назначит о. Леонида нашим экзархом. Долгие годы испытаний Рим увенчал признанием правоты нашей русской идеи, которая зародилась и могла зародиться только в духе великой для Востока хартии Папы Льва XIII.

Церковь на Бармалеевой была открыта! Крестный ход был совершен по улице: Глеба Верховского. Вот что записала С.А. Лихарева о пережитом ею в эти светлые дни: вышел из ворот на Бармалееву и обратно вошел, пройдя через вторые ворота, выходящие на Пушкинскую. Соборную службу совершал о. Леонид. На богослужении присутствовал архиепископ Ропп. Поистине, служба, вместе с возвращением о. Леонида, создала среди присутствующих глубокое пасхальное настроение. Каждый из нас действительно чувствовал себя участником этого великого торжества».

«Вашему покорнейшему слуге, экзарху российскому, протопресвитеру и протонотарию апостольскому приходилось в 1918–19 гг. голодать до того, что тряслись руки и колени, и приходится до сих пор рубить и колоть дрова, ломать на дрова дома и заборы, быть молотобойцем в кухне, возить тачки с поклажей и мусором, разрабатывать огороды и дежурить на них по ночам... Только милостью Божией могу я объяснить себе, что еще не умер или не приведен в полную негодность, несмотря на анемию и подагрический ревматизм, который грызет меня, как крыса старое дерево». (Письмо от 6 апреля 1922 года)

Из-за болезни митрополита Андрея празднование его возвращения из плена и ссылки могло состояться только в апреле. Казалось, что для торжественной встречи владыки в столице нельзя найти ничего лучше придворной Мальтийской церкви. Об этом событии было объявлено в русских газетах. Митрополит Андрей совершил архиерейское служение. В качестве диаконов с ним служили отцы Глеб и Диодор. Пел хор из церкви Главного почтамта, один из лучших в Петрограде, под управлением регента – свободного художника консерватории. Церковь не могла вместить в этот день всех молящихся. В момент, когда прозвучало торжественное многолетие: «ВЕЛИКОМУ ГОСПОДИНУ НАШЕМУ, СВЯТЕЙШЕМУ ВСЕЛЕНСКОМУ АРХИЕРЕЮ, БЕНЕДИКТУ, ПАПЕ РИМСКОМУ, И ГОСПОДИНУ НАШЕМУ... И ВСЕМ ПРАВОСЛАВНЫМ ХРИСТИАНАМ... МНОГАЯ ЛЕТА!» – истрадавшиеся русские католики сочли себя более чем вознагражденными за все пережитое.

Собор Русской Католической Церкви и назначение о. Леонида экзархом

«Время, о котором говорил блаженной памяти Папа Пий X, – пишет митрополит Шептицкий, – наступило: я показал документы тогдашнему администратору Могилевской епархии, преосвященному епископу Цепляку, впоследствии Виленскому архиепископу, недавно умершему в Америке. Он

подтвердил подлинность документов и согласился со мной, что теперь настало время применения моих полномочий. Того же мнения был и Виленский епископ, в настоящее время Могилевский архиепископ, его преосвященство Ропш. На этом основании я поставил экзархом русских католиков отца Леонида Федорова и передал ему полученные мною на этот случай от Папы полномочия».

До Февральского переворота 1917 года католическое богослужение восточного обряда, как известно, было запрещено, и русские католики могли молиться только скрытно. Временное правительство, придя к власти, немедленно провозгласило свободу совести, вероисповедания и культа. Наконец-то появилась возможность открыто организовать русских католиков.

Иерархический глава их, митрополит Шептицкий, оказался в Петрограде; мало того, в вывезенном в 1914 году из Львова архиве митрополита, очутившемся в охранном отделении в Петрограде, оказались и все документы, устанавливающие права и полномочия митрополита, данные ему Папой Пием X. Митрополит дождался приезда в Петроград всех русских священников-католиков. 28 мая, в воскресенье Всех Святых, после торжественной службы в Мальтийской церкви, он собрал их под своим председательством на первый русский Собор в помещении католической школы Св. Екатерины. На Соборе присутствовали отцы Зерчанинов, Колпинский, Верховский, Дейбнер, Федоров, Сусалев, Абрикосов. Кроме того, были приглашены латинские епископы Цепляк, Ропш, Лозинский, каноник Могилевской епархии, и несколько прелатов и ксендзов латинского клира.

Из мирян присутствовали директор католической гимназии Св. Екатерины Цибульский (свидетель от польских мирян) и В.В. Балашев (свидетель от русских католиков-мирян).

Собрание это было обставлено особенно торжественно. Все были в парадных одеяниях. В часовне были выставлены Святые Дары. Отец Колпинский прочел по-русски и по-латински акт установления

в России экзархата. Своим представителем на всю Россию, за исключением Малороссии и Белороссии, митрополит Андрей назначил протопресвитера о. Леонида Федорова с титулом экзарха. Ему была пожалована митра и титул протопресвитера. Этот акт был скреплен подписями всех присутствующих, в том числе и представителя латинского клира, а также присягой восточного клира Папе и экзарху.

Вечером, в день открытия Собора, состоялось торжественное заседание «Поборников воссоединения Церквей» в доме гр. Зубова на Исаакиевской площади. Сюда собрались русские католики и группа православных. Под председательством митрополита Андрея, в присутствии архиепископа Роппа и епископа Цепляка, было положено основание «Общества поборников воссоединения Церквей». Душой этого начинания был кн. Петр Михайлович Волконский, отдавший этому делу со свойственной ему энергией, не покидавшей его до конца жизни.

Митрополит Андрей хотел было сейчас же посвятить о. Леонида в епископы, подчинить его непосредственно Риму и таким путем, в соответствии с мыслями св. Пия X, закончить возложенную на него задачу. Однако ему пришлось уступить настойчивой просьбе о. Леонида – сначала оконча-

тельно урегулировать в Риме положение о русском экзархате и тем временем дать ему самому испытать свои силы и приготовиться к епископскому служению.

Деятельность блаженного экзарха

Веря, что Господь желает объединить Россию с Католической Церковью, Леонид Федоров понял, что развитие экзархата является основным способом такого объединения. Но прежде чем говорить об этом, необходимо помнить, в каких сложных условиях он работал.

Бедная, голодная и репрессированная Церковь

«Наша крохотная Католическая Церковь, без сомнения, – пишет экзарх, – самая маленькая и самая бедная среди всех других Церквей католического мира... Начиная с 1917 года мы пережили все ужасы русской революции: голод, холод, болезни, все виды лишений, отсутствие жизненно необходимых средств, тягостный труд, нездоровая пища, невероятные трудности, где не было никакого различия ни для женщин, ни для стариков, ни для детей, ни для священников; все это истощило наши силы, значительно уменьшило нашу энергию. Некоторые едва могут делать четверть своей обычной работы... Превращенные в многочисленных рабов нашего «свободного правительства», мы мучаемся от сомнений, что ожидает нас завтра. Аресты, тюрьмы, расстрелы, обыски, конфискации, неожиданные проверки «красной» полиции, вымогательство всех видов, преследования веры, святотатство, осквернение святынь и ограбление церквей (под предлогом помощи голодающим!), слезка и преследования духовенства – вот обстоятельства, в которых мы должны проявлять наше терпение! Священник Алексей Зерчанинов был заключен в тюрьму более чем на месяц. Декан Владимир Абрикосов арестовывался дважды и месяц провел в тюрьме, в его квартире трижды делали обыски. Я должен был в течение трех недель скрываться, переодевшись в штатское, затем был арестован на два дня».

Развитие экзархата

Экзарх направил все свои усилия на развитие обычной пастырской структуры экзархата, который постепенно увеличивался. В мае 1922 года было три общины: в Москве (100 активных членов), в Санкт-Петербурге (70 членов) и в Саратове (15 членов).

Леонид Федоров посвящал много времени заботе о своих священниках, а также организации рукоположений новых священников епископом. Он стремился совмещать терпение и любовь с необходимостью поддержания дисциплины.

Отец Леонид придавал большое значение тому факту, чтобы богослужения были верны принципу, который провозгласил Папа Пий X: «*neс plus, neс minus, neс aliter*» («не прибавляя, не убавляя и не изменяя»). Он очень старался сохранить чистоту греко-русского обряда.

Основание женских монашеских орденов

В Петрограде под начальством экзарха основываются женский орден Святого Семейства, община сестер Святого Духа, «Общество Иоанна Златоуста». В Москве под руководством о. В. Абрикосова и матери Екатерины (Абрикосовой) развивается женская доминиканская община, деятельность которой достойна отдельной монографии.

Миряне

Для мирян кроме «Общества поборников воссоединения Церквей» существовали «Общество Св. Иосафата» и «Русское католическое братство во имя св. Иоанна Златоуста», заботившееся о благолепии богослужения и богослужебных помещений Российской Греко-католической Церкви.

Помимо этого, существовал целый ряд небольших просветительских обществ и кружков; петербургские католики византийского обряда активно участвовали в благотворительной деятельности конференции Св. Викентия вместе с латинскими собратьями, московский приход вместе с сестрами-доминиканками мате-

“
**Католичество
в России должно быть
русифицированным
таким же образом, как,
например, в Испании оно
несет испанский характер,
во Франции – французский
и т.д. (Письмо Пию XI
05.05.1922)**”

ри Екатерины Абрикосовой также вел обширнейшую благотворительную работу, включавшую, в частности, заботу о детях-сиротах. Первое время продолжал выходить журнал «Слово Истины».

Проповедник

Экзарх – прекрасный оратор, проповедник, апологет и незаменимый знаток по вопросам схизмы – выступал всюду с докладами, всегда насыщенными примиряющим элементом. Его всегда слушали с неослабным вниманием и православные, и католики. В зале при школе Св. Екатерины в Петрограде он говорил на тему «Святая Уния». Беседа собрала такую массу народа, что большой зал был переполнен. Православные благодарили его за объективное изложение данной темы. Особенно поразил слушателей реферат о. Леонида, прочитанный в Москве, на тему «Ты еси Петр», который представлял собой разбор только одного 18-го стиха XVI главы Евангелия от Матфея. Конференция проходила в недавно организованной о. В. Абрикосовым женской доминиканской общине. В течение трех с половиной часов экзарх говорил при неослабном внимании аудитории. Дух мира и любви не покидал многолюдного собрания. Особенно знаменательна была его поездка в мае 1922 года в Могилев, где его речь положительно всколыхнула массу прежних униатов.

Встречи с Временным

правительством и коммунистами

Одной из задач Леонида Федорова было установление контактов с властью. Временное правительство, уведомленное об основании экзархата, одобрило его и признало. Леонид Федоров был приглашен как представитель восточного обряда в комиссию по делам Католической

Церкви в России. Первого октября министр исповеданий А. Карташев легализовал греко-славянский обряд Католической Церкви в тех формах, какие были установлены на Синоде в 1917 году.

Отдельной проблемой в жизни Церкви, легкой на плечи экзарха, стали отношения с советскими властями. Сначала Католическая Церковь позитивно восприняла некоторые нововведения пришедших к власти большевиков. Так, разделение Церкви и государства означало возможность свободно вести католическую проповедь. Однако вскоре на практике появились проблемы: появление запрета на обучение религии несовершеннолетних (что подрывало катехетическую работу Церкви); национализация церковных зданий и декрет об изъятии церковных ценностей.

Экзарх попытался защитить католические общины от применения декрета об изъятии церковных ценностей. Во всех возникавших вопросах о. Леонид твердо и спокойно придерживался церковных норм, фактически оказывая неповиновение советским законам в тех случаях, когда они противоречили Божественному и естественному праву (что потом и было поставлено ему в вину на судебном процессе в 1923 г.). Так, сохранились его собственные заявления в органы советской власти о недопустимости, с канонической точки зрения, предлагаемого договора об использовании церковных зданий и составленные с его участием заявления прихожан об этом же.

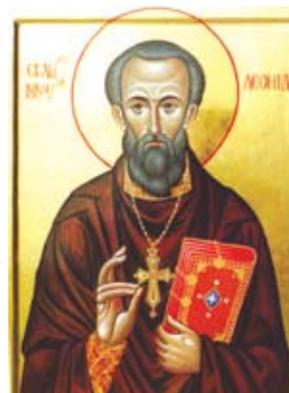
Гуманитарная помощь России

Во время голодных 1918, 1919 и 1922 годов экзарх неоднократно обращался к Святейшему Престолу за помощью для голодавшего народа и находил благожелательный отклик у Пап Бенедикта XV и Пия XI, приславших посильную по-

мощь. Именно к этому времени относится сближение экзарха с иезуитом о. Уолшем (Walsh), оказавшим неоценимые услуги голодавшему народу и делу миссии.

Структура экзархата

Епископ Болеслав Слоскан в своих воспоминаниях об экзархе свидетельствует: «Лишь несколько времени спустя, когда воссоединенческое движение охватило и открыли сознательных и ревностных католиков Петрограда, когда маленькая восточная церковка далеко не вмещала всех желающих участвовать в восточном Богослужении, Божественную Литургию восточного обряда при церкви Св. Екатерины по воскресениям и праздникам стали совершать на главном престоле после латинской главной Литургии. На такой восточной Литургии в обыкновенные воскресения присутствовало до 500 человек, в особо торжественных случаях до 2000 человек: а) русских католиков, б) католиков-ревнителей дела воссоединения Церквей и в) православных. Среди молящихся почти всегда были один или несколько православных священников. Воскресные и праз-

дничные торжественные богослужения восточного обряда в церкви Св. Екатерины, на главном престоле, продолжались все время до закрытия всех католических церквей в Петрограде летом 1922 года. Отец экзарх неоднократно присутствовал на этих богослужениях, иногда говорил проповедь и в одном случае торжественно принял в лоно св. Церкви одного православного священника во время Божественной Литургии». (Парфентьев № v-05 Еп. Болеслав Слоскан. Воспоминания об экзархе Федорове. С. 430.31)

Отношения с польским духовенством в России

Чтобы понять отношения Федорова и польского духовенства того времени, следует различать два аспекта: личные отношения и различия в понимании миссии Церкви. Обе стороны пытались сохранить дружеские отношения. В этом смысле как Федоров, так и польские епископы стремились помогать друг другу. Например, Федоров много месяцев жил в доме священников латинского обряда. В 1917 году во многих латинских

Из воспоминаний о. Д. Кузьмина-Караваева

«Помню также наше путешествие в Замоскворечье, где о. Леонид, по приглашению православного приходского совета, читал доклад о том, почему учащаются переходы православных в католичество. На собрании было много народу; председательствовал епископ, впоследствии митрополит Крутицкий, И[л]ларион. Содержание доклада я, к сожалению, не запомнил, так как был тогда поглощен чувством тревоги: в самом приглашении была несомненная западня, и я очень боялся, что во время доклада о. Леонида поймут на неудачном выражении и этим воспользуются для враждебной демонстрации. Нечего говорить, о. Леонид выдержал испытание и явственно овладел аудиторией. Только по окончании доклада (прений не было) раздался истерические выкрики; как раз мой старый знакомый по православным богословским курсам (имени его не помню) начал с большим возбуждением кричать о торжестве православия, которое он видел – до Москвы об этом уже докатилась молва – в недавнем образовании чешской национальной Церкви. Довод мог бы быть сильным, но кричавший явно потерял равновесие и успеха не имел. Когда мы возвращались домой, о. Леонид был спокоен и невозмутим». (Парфентьев, № V-04, С. 426).

Первая процессия 2(15) июня 1917 г.

приходах Могилевской епархии было зачитано по-польски обращение о. Леонида Федорова с просьбой о материальной помощи греко-католической миссии. Воззвание не осталось без ответа, сохранились многочисленные расписки экзарха в получении собранных российскими католиками средств для его Церкви.

Важно также отметить совместное участие в двух многочисленных процессиях в торжество Тела и Крови Христовых. Первая состоялась при Временном правительстве 2(15) июня 1917 г., вторая – 30 мая 1918 года. Леонид Федоров был приглашен возглавить процессию и шел под балдахинном рядом с епископом Цепляком, который нес Пресвятые Дары.

При этом взгляды польского духовенства и Леонида Федорова различались. Обе группы хотели видеть единую главу для католиков восточного и латинского обряда Католической Церкви в России. Фон Рошш хотел, чтобы им стал латинско-польский епископ, а Федоров хотел видеть восточно-русского епископа.

Латинское духовенство считало недопустимым применение в России энциклики Папы Льва XIII *Orientalium dignitas*

Ecclesiarum («Достоинство Восточной Церкви»). В то же время восточный клир держался обратного мнения, и не было письма экзарха в Рим, в котором он бы не настаивал на том, чтобы эта энциклика была формально и открыто применена в России. Энциклика запрещала верующим Восточного обряда переходить в латинский обряд без разрешения Ватикана в каждом индивидуальном случае.

В то время и в Польше и в России были очень сильны националистические настроения. Федоров понимал, что польские священнослужители не смогут осуществить задачу русификации католицизма. Поэтому он думал что для блага Католической Церкви восточного обряда в России будет лучше, если пасытская деятельность будет проводится отдельно от польского духовенства.

В поиске соединения: встречи с православными верующими

В Петербурге о. Леонид участвовал в публичных чтениях, устраиваемых латинским духовенством – на них приходила и православная публика, в том числе духовенство, – с апологетическими и

Вторая процессия 30 мая 1918 г.

историческими докладами. Участвовал он и в серии православно-католических встреч в Москве, на которых обсуждались вопросы, связанные с возможностью достижения единства.

На этих встречах католические участники, в частности, представляли доклады, посвященные вопросам богословия, составляющим предмет спора между православными и католиками. В этих встречах принимал участие и будущий православный священномученик, митрополит Илларион (Троицкий), общение с которым о. Леонид Федоров продолжит на суровой соловецкой земле, в лагере. Встречи проходили с ведома новоизбранного Патриарха Московского Тихона, с которым о. Леониду удалось наладить теплые отношения. «Патриарх принял меня очень ласково, – писал о. Леонид, – угощал чайком и медом и обещал успокоить расхившихся петроградцев (речь идет о некоторых православных священниках, мешавших воссоединительной работе о. Леонида в Петрограде). Сам он искренне желает единения, но сделать ничего не может, так как слишком слаб и не имеет автори-

тета, на что жаловался уже не раз перед духовенством и мирянами. Московский Собор так урезал его власть, что про него можно сказать: “святейший” патриаршествует, но не управляет».

Особенно стоит отметить понимание экзархом того факта, что в период тотальных антирелигиозных гонений, проводимых советской властью, стало возможно объединение православных и католиков в общих попытках борьбы с незаконными действиями властей, на ниве сопротивления антицерковным действиям большевиков. Участие в этом, по мнению экзарха, могло больше привлечь людей к идее единства, чем непосредственная проповедь (хотя и о ней, как мы увидим, он не забывал).

«Моему декану, – пишет Леонид Федоров Папе Пию XI, – отцу Владимиру Абрикосову, действующему всегда с большим тактом, терпением и милосердием по отношению к православным, удалось собрать вокруг себя группу священников и мирян, тех, кого англичане называют *clergyman* и которые пытаются приблизиться к Католической Церкви. Начиная с марта месяца прошлого года состоялось

уже восемь встреч, и все с благословения Патриарха. На этих собраниях рассматриваются различные вопросы, как чисто догматического, так и смешанного характера. Почти два месяца, как я езжу в Москву, чтобы проводить конференции, посещать некоторых церковников и обсуждать с мирянами все то, что служит интересу Святого Единства... Имеются, как я уже сказал, чисто догматические конференции, где, например, шаг за шагом изучается примат Петра. Но они (участники) справедливо указывают на то, что прежде чем говорить о Святом Единстве, мы хотим создать условия для этого большого труда».

Апостольский метод

Апостольский метод, который использовал Федоров, был отчасти новым: «Метод, используемый нами для этого апостольства, — пишет экзарх Пию XI, — не состоит в активном и, так сказать, шумном прозелитизме (хотя и не исключает как такового). Мы стараемся делать нашу агитацию (propaganda

в итальянском оригинале) без шума». Итак, метод Федорова не исключает как такового прозелитизма и подразумевает агитацию и апостольство, но в отношении православных Экзарх предлагал «апостольское незлобие» и агитацию без шума.

И это вовсе не практика более эффективного поиска adeptов. Своим появлением метод обязан огромной любви и уважению к литургической, эkkлезиологической и молитвенной традициям Русской Православной Церкви, которую Федоров продолжает считать своею. Абсурдно представить себе едкую критику или воинствующую апологетику в отношении русского православия, в котором Федоров с детства возвращал свою веру. Речь идет о совместной борьбе против коммунистического атеизма:

«Не активная пропаганда, не натиск миссионера необходимы в России, а сближение на почве общехристианских интересов против растущего неверия и воинствующего коммунизма. На этой почве в 1918-19 гг. я достиг того, что католические и православные свя-

щенники собирались вместе для борьбы против большевиков, когда те, в своих преследованиях священников и Церкви, переходили всякие границы. Мы вместе выступали в Петрограде и Москве и подписывались под общими протестами. Православные, лишившись царской опеки, чувствовали себя как дети на улице, потерявшие своих родителей, и за отсутствием полицейских не знали, как защищать себя от наседающего сектантства. Поэтому их страшно тронуло, что в такую тяжелую для них минуту те самые католики, которых они привыкли считать своими злейшими врагами, теперь помогают им и борются вместе с ними. Особенно же тронула их телеграмма кардинала Гаспари от имени Его Святейшества к Чичерину. У меня есть полнейшей глубокой благодарности ответ Патриарха через митрополита Владимирского Сергия, который я привезу с собой в Рим» (см. письмо экзарха к о. Евреינוву в Рим от 18 июля 1921 года).

«Затем мы думаем, что прозелитизм и обращение отдельных лиц мало чем помогут делу св. соединения. Это не значит, что мы отказываемся приобретать приходящие к нам души. Наоборот, при случае сами стараемся подражать великим “ловцам человеков”, но не ставим это главной целью нашей миссии, и когда приходится нам выбирать между эфемерным успехом в приобретении новых душ и основными задачами нашей миссии, то мы не колеблясь жертвуем первыми для второй цели. Главной же целью нашей миссии мы считаем распространение и популяризацию здоровых идей в католичестве и сближение с православным духовенством. Не положивши основания, здания строить нельзя; так, не осветивши российскую тьму настоящим пониманием католичества, нельзя и думать о крупных успехах» (см. письмо экзарха к о. Евреינוву в Рим от 18 июля 1921 года).

Свидетельство об этом сохранил для нас о. Дмитрий Кузьмин-Караваев, и мы позволим себе пространно процитировать его ценное для нас свидетельство:

«Единичные обращения или подготовка всей совокупности православных к чиновничьему возвращению? — Все мы знаем, с какой остротой это противоположение представляется многим работникам восточного апостолата. Надо работать, говорят нам в таком случае, или в одном, или в другом направлении. Раз вы направляете все ваши усилия на единичные обращения, вы тем самым замедляете возможное возвращение православной иерархии, так как подобные обращения ничего, кроме раздражения, не вызывают. Точно так же, раз вы настаиваете на возможности и осуществимости в ближайшем будущем всеобщего возвращения, вы должны признать, что тем самым вы если не исключаете, то затрудняете единоличные обращения, так как люди уже близкие к католичеству, ссылаясь на вас, будут откладывать свое решение до того времени, когда иерархия возьмет почин на себя.

В области римско-католического апостолата он шел по дороге, которую иначе назвать нельзя, как средней дорогой. Единичные обращения или подготовка всей совокупности православных к чиновничьему возвращению? Между тем, о. экзарх с одинаковой силой и одинаковой убедительностью работал и в том, и в другом направлении. Каждое единичное обращение было для него воистину радостью, и он с исключительным умением подготовлял к последнему решению всех тех, кто, так или иначе, поддавался его влиянию. Но в то же время он никогда не терял надежды на возвращение иерархии и с не меньшей настойчивостью создавал и расширял свои связи среди православного духовенства, убеждая его представителей в необходимости и осуществимости примирения с Римом. Очевидно, ни доводы сторонников исключительного прозелитизма, ни доводы сторонников такого же иренизма на него не действовали, и здесь он шел своей средней дорогой». (Из воспоминаний об о. Леониде Федорове о. Д. Кузьмина-Караваева, Парфентьев, № V-04, С. 421.422).

“ **Метод, используемый нами для этого апостольства, не состоит в активном и, так сказать, шумном прозелитизме (хотя и не исключает как такового). Мы стараемся делать нашу агитацию без шума».** Письмо Пию XI 05.05.1922 ”

Из воспоминаний о. Д. Кузьмина-Караваева

«К этим трем заветам о. Леонида: а) любовное и вместе с тем разное отношение к католическому и православному пастырству, — католики были ему ближе, чем православные; б) также любовное и разное отношение к единоличным обращениям и подготовке общего возвращения, — о. Леонид в глубине души отдавал, несомненно, предпочтению всецелому возвращению пастырства перед частичным пополнением паствы; и, наконец, в) все то же любовное и разное отношение к Российской державе и Римской Церкви, — для него, как для каждого настоящего католика, Церковь была первой родиной, а Россия — второй, — мне остается добавить немного».

Удивительным образом мы видим, что отношением блаж. Леонида Федорова к делу миссии и к делу воссоединения руководил, по-видимому принцип, который был в следующем виде сформулирован Вторым Ватиканским Собором: «...совершенно очевидно, что дело приготовления и примирения отдельных лиц, желающих полного общения с Католической Церковью, по природе своей отлично от экуменического начинания. И всё же между ними нет никакого противоречия, поскольку и то, и другое исходит из дивного Божьего предначертания» (UR, 4).

Таким образом, речь идет о методе, который, по словам Федорова, обращенным к Святому Отцу, заключается в следующем: «Наш метод апостольской работы не должен никого удивлять. Наша главная цель состоит в том, чтобы развивать идею объединения

Церквей (как здесь говорят, нормальным образом), вступать в контакты со схизматическим духовенством и дать российскому обществу русскую концепцию Католической Церкви и ее святой доктрины». (Письмо Федорова Пию XI 05.05.1922)

Алексей Юдин объясняет значение этого метода: «Возникшая в начале XX века Русская Католическая Церковь византийско-славянского обряда, центральной фигурой в которой стал свящ. Л. Федоров, должна была дать ясное свидетельство того, что русский человек может быть католиком, не изменяя своему национальному своеобразию и не становясь инородным телом в своей собственной церковной традиции. Эта новая церковь не должна была действовать враждебно по отношению к русскому православию, конкурировать или намеренно полемизировать с ним, но включиться

в диалог и стремиться к корпоративному воссоединению. В случае русского католического движения следует признать, что мы имеем дело с уникальным в отечественной истории опытом межконфессионального диалога. (...)

“Апостольское незлобие” в отношении православных, о котором говорил Л.И. Федоров, позднее будет воплощено в католичестве в развернутой концепции экуменического диалога. При этом Федоров безусловно оставался в границах того изначального понимания Церкви, как оно выражено в католической экклезиологии: вместе с чувством христианского универсализма ему было присуще четкое осознание того, что безальтернативной опорой подлинного единства церквей может быть только признание главенства в христианском мире епископа Рима. (...)

В том, как русские католики восточного обряда понимали церковное единство (или, по их собственному выражению, «святую Унию»), обнаруживаются первые ростки того сознания, которое впоследствии получило наименование «экуменического» в учении самой Католической церкви на II Ватиканском Соборе».

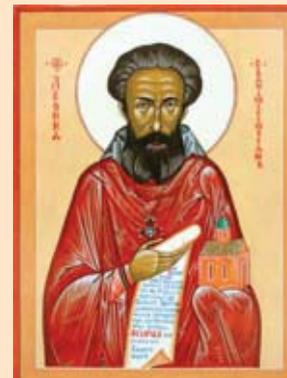
При этом не надо забывать о том, что для Федорова главный метод его апостольского служения – это сам факт существования экзархата, существования католиков синодального обряда: «Только те, которые делаются католиками восточного обряда, являются настоящим семенем будущего единения. Они несут тяжелый подвиг под градом насмешек и укоризн, как со стороны православных, так и со стороны своих братьев латинян, но мало-помалу, самым своим существованием, открывают русским людям глаза на вселенский дух Католической Церкви».

“ В 1918 году я установил контакты с Патриархом и получил от него дружеский прием».

Письмо Пию XI

05.05.1922 ”

Беатификация 27 июня 2001 года

Свидетельства о том что о. Леонид должен быть провозглашен святым, были уже с самого момента его смерти. Седьмого марта 1935 года в комнату влетел голубь и стал кружить над головой отошедшего ко Господу о. Леонида. Находившиеся в это время рядом с телом люди расценили увиденное ими как чудо, о чём впоследствии и было сообщено в Рим.

В январе 1936 г. на панихиде, посвященной памяти экзарха Л. Федорова, в College St. Basile в Лилле еп. Амудрю (Amoudru) сказал: «Может быть, он будет канонизирован: не знаю, и кто знает? Но во всяком случае, нет сомнения, что своей подвижнической жизнью и мученической кончиной за веру он стяжал спасение души своей и со спокойной совестью предстал пред Всевышним Судьею». (ЦДИАЛ, ф. 201, оп. 46, спр. 1577, арк. 4).

То же самое думали в монастыре в Каменице, где жил о. Леонид Федоров. Последние более чем двадцать лет своей жизни он вынужденно пребывал вне монастыря. Тем не менее монахи-студиты неизменно воспринимали его как свой идеал

“ Свидетельства о том что о. Леонид должен быть провозглашен святым, были уже с самого момента его смерти ”

и были в числе первых, кто ратовал о его прославлении. Уже в самый год его смерти возникла инициатива его молитвенного воспоминания – реальное начало его почитания как святого. Память братьев сохранила его качества именно как идеального монаха: «Жил и убирался очень убого. Считал себя всегда последним... Выглядел нищим. Смирение и покорность были основой его жизни. Он с каждым обходился так, будто бы хотел, чтобы каждый был святым». В условиях быстро приближающихся гонений монахи не могли не рассматривать подвиг о. Леониды как пример лично для каждого из них. По сей день из года в год 7 марта в Святоуспенской Унивской лавре празднично поминают его в богослужениях. Каждый год в этот день проводятся конференции, посвященные жизни и деятельности отца Леонтия. Монахами лавры написано много икон блаженного.

27 июня 2001 г., совершая литургию по византийскому обряду во Львове, Папа Иоанн Павел II провозгласил мучеников блаженными. Признана мученической смерть слуги Божьего епископа Николая Чарнецкого и его 24 соратников: епископов, епархиальных священников, монахов и монахинь и одного мирянина (день памяти – 27 июня). Среди них есть и экзарх Леонид Федоров. Отдельным декретом провозглашено мученичество слуги Божьего Теодора Ромжи, епископа Мукачевской епархии ГКЦ (день памяти – 1 ноября).

Отрывки из проповеди Иоанна Павла II на церемонии беатификации греко-католических мучеников (Украина, 2001)

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15.13).

Эти торжественные слова Христа приобретают особое звучание

для нас сегодня, когда мы провозглашаем блаженными группу сыновей и дочерей славной Львовской архиепархии Украинской Церкви. Большинство из них было убито из-за ненависти к Христовой вере. Некоторые из них мученически пострадали в недавние времена, так что среди присутствующих сегодня на Божественной литургии есть люди, которые знали их лично. Эта Галицкая земля, которая в ходе истории была свидетельницей роста Украинской Греко-католической Церкви, как говорил приснопоминаемый митрополит Иосиф Слипый, была покрыта «горами трупов и реками крови». Вы являетесь живой и плодоносной общиной, восходящей к проповеди святых Кириллы и Мефодия, к святому Владимиру и святой Ольге. Примеры мучеников разных исторических периодов, но особенно минувшего века свидетельствуют о том, что му-

ченичество является высшей степенью служения Богу и Церкви. Этим богослужением мы желаем почтить мучеников и возблагодарить Господа за их верность. Как пшеничное семя падает в землю и умирает, чтобы дать жизнь новому растению (ср. Ин 12.24), так же сделали и эти блаженные, отдав свои жизни для того, чтобы нива Божия принесла плоды для новой, еще более изобильной жатвы.

Служители Божии, причисленные сегодня к лику блаженных, представляют все чины церковного сообщества: среди них епископы и священники, монахи и монахини, миряне. Они подверглись различным испытаниям со стороны последователей заслуживших дурную славу идеологий – нацистской и коммунистической. Зная о страданиях, которые претерпели эти верные ученики Христовы, мой предшественник Папа Пий XII, разделяя их муче-

ния, выразил солидарность с теми, “кто стоят в вере и сопротивляются врагам христианства с такой же непоколебимой силой духа, с которой когда-то сопротивлялись их предки” (апостольское послание *Orientalis Ecclesias*, 15 декабря 1952).

Укрепляемые благодатью Божией, они шли путем победы до конца. Это путь прощения и примирения, путь, который ведет к чудесному свету Пасхи, наступающей после Голгофской жертвы. Эти наши братья и сестры являются известными нам представителями сонма безымянных героев – мужчин и женщин, мужей и жен, священников и поставленных на служение мужчин и женщин, молодых людей и пожилых, – которые в течение XX века, “века мученичества”, испытали на себе преследования, насилие и смерть, но не отрелись от своей веры. Вместе с ними за Христа были также преследуемы и умерщвлены христиане других конфессий. Это совместное мученичество является настоящим призыванием к примирению и единству. Именно экуменизм мучеников и свидетелей веры указывает путь к единству для христиан XXI века. Пусть их жертва станет практическим уроком жизни для всех. Это, конечно, непростая задача. За последние столетия на-

копилось слишком много стереотипов, взаимных обид и нетерпимости. Единственный способ расчистить путь – забыть прошлое, просить прощения друг у друга и прощать друг друга за нанесенные и воспринятые

раны и искренне верить в обновляющее действие Духа Святого.

Эти мученики учат нас быть верными двойной заповеди любви: любви к Богу и любви к нашим братьям и сестрам».

В Медоне, в архиве протоиерея Рихтера, находится фотография, которая свидетельствует о том, что в «Руссикуме» Леонида Федорова считали мучеником. Надпись на фотографии: «Реликвии мученика, отца Леонида Федорова, который умер в Вятке, в 1935 году, после десяти лет лишения свободы. Священник, которого он рукоположил в тюрьме, принес эти реликвии в “Руссикум” в Риме. Священник тайно служил мессу в своей камере в течение многих лет, делая вино для Евхаристии из изюма».

Священником, рукоположенным в лагере, мог быть отец Донат Новицкий. Он был рукоположен по просьбе о. Л. Федорова епископом Слосканом в византийский обряд.

В тюрьме (1923–1926)

Пятого декабря 1922 г. всех католических священников вызвали в местные исполкомы, где им предложили подписать «расписки», которыми правительство заменяло прежний «договор», отвергнутый Св. Престолом.

Три месяца спустя, 5 апреля 1923 г., всех обвиняемых – архиепископа Цепляка, о. экзарха, 13 приходских священников и одного несовершеннолетнего вызвали в Москву «по делу архиепископа Цепляка». Все петроградские католики собрались на вокзал провожать уезжавших. Получилась величественная и вместе с тем глубоко трогательная манифестация. В то время как духовенство из окон вагонов благословляло верных, все провожавшие стали на колени и запели «sub tuum praesidium confugimus» («Под Твою милость прибегаем»). Под их пение тронулся поезд, и оно продолжалось, пока он не скрылся из виду. Обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму и поместили в камере №56, где было уже десять уголовных преступников.

«Суд» происходил в Голубом зале бывшего Дворянского собрания. Около подсудимых находилась стража – несколько солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Судьей был Галкин, бывший священник, прокурором – Николай Крыленко. Все названные лица заявили перед началом суда, что они коммунисты. Присутствовавший на процессе журналист Френсис Маккаллох сравнил атмосферу, в которой происходило судебное разбирательство, с таковою же во времена Нерона. По его словам, этот суд был походом РСФСР versus unam sanctam Catholicam et Apostolicam Ecclesiam (походом Антихриста против Церкви Христовой).

22 марта начался допрос о. Леонида, который отказывался от услуг адвокатов и защищал себя сам. Крыленко: Пойдем дальше. Возьмем дело костелов в Петрограде. Подсудимый Федоров! Вы тоже отказались подписать договор? О. Леонид: Так точно. Кр.: Считаете ли вы закон для себя обязательным? О. Л.: Я руководствуюсь советскими законами постольку, поскольку они не противоречат моей совести. Кр.: Оставьте нас в покое с вашей совестью. Спрашиваю вас ясно, будете ли вы подчиняться советской власти или нет? О. Л.: Если советское правительство будет от меня требовать того, чего не позволяет мне совесть, то я не могу этого исполнять. Что касается обучения детей

Закону Божию, то Католическая Церковь постановила, что детей надо учить религии независимо от постановлений правительственных властей по этому вопросу. Совесть выше закона. Закон, противоречащий совести, не может обязывать.

Письмо А.И. Абрикосовой 28.12.1922 г.

«Во всяком случае, если придет телеграмма на Ваше имя со словом "да" – это будет значить, что я арестован. Тогда скажите, чтобы Уолш имел для меня наготове немного денег (миллиарда 2) на случай моей высылки за границу. Когда, поэтому, придет вторая телеграмма со словом "приезжайте", то нужно, чтобы кто-нибудь привез сюда эти деньги».

Галкин: (раздраженно) Достаточно мы уже слышали о вашей совести. Что нам до этого. Ваша совесть нас не касается. О. Л.: Но меня она очень касается. На следующий день, 24 марта, Крыленко обратился к о. Леониду за справкой о Православной Церкви.

Крыленко: Первые 13 обвиняемых, в том числе и вы, обвиняются в образовании тайной контрреволюционной организации, имевшей целью противодействовать проведению декрета об отделении Церкви от государства. Вы обвиняетесь по статьям 62, 119 и 121 Уголовного кодекса.

Галкин: Слово в порядке защиты предоставляется подсудимому Федорову. О. Л.: Вся моя жизнь была построена на двух элементах: на любви к Церкви, к которой я присоединился, и на любви к Родине, которую я обожаю. Если для меня безразлично, присудят ли меня к десяти годам заключения или к расстрелу, то это не потому, что я фанатик. Часто приходится казнить невинного, чтобы не выпустить из рук виновного. С того времени, как я присоединился к Католической Церкви, единственной задачей моей сделалось приблизить мою Родину к той Церкви, которую я считаю истинной.

Последние слова вызвали аплодисменты и особый гнев прокурора Крыленко: Это он собрал вместе православных и католиков для противодействия власти. Это он устраивал общий фронт против коммунизма. Довольно. Комедия.

О. Л.: Как угодно. Конечно, если вы нас считаете шарлатанами, жрецами, если вы скажете, что я ломаю комедию, то я лишен возможности защищаться, и мне остается только стать жертвой и больше ничего... Я заканчиваю. Наши обращения к правительству ничего контрреволюционного не имели. Я повторяю, что изъятие у меня прошло гладко. На обвинение, что мы будто бы не хотели дать церковное имущество для великой цели спасения голодающих, мы указываем на те 40 вагонов, которые прислал Папа Бенедикт XV, на те 120 000 детей, которых питает и теперь Папа Пий XI.

В завершение своей речи экзарх подвел всему краткий итог: «Мне сказать больше нечего. Наши сердца наполнены не ненавистью, а скорбью – нас не могут понять. Свобода совести для нас не существует: это вывод из всего, что мы здесь слышали».

Как того требовал Крыленко, суд приговорил о. Леонида к десяти годам тюремного заключения. До 21 апреля он просидел в Бутырской тюрьме, откуда его перевели в «Сокольнический исправдом».

Когда летом 1923 года открылись все ранее опечатанные католические храмы Петрограда, церковь Св. Духа приходской общины русских католиков так и осталась закрытой. На неоднократные просьбы верующих о ее открытии был получен категорический отказ представителя власти, который заявил: «Федоров слишком опасный человек (...) в подлую федоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию! Не просите, вопрос решен: церковь будет ликвидирована»

Из письма митрополиту Андрею 07.03.1923 г.

«Если дело дойдет до расстрелов, то жертвой, может быть, стану и я, чего мне, каюсь Вам, очень бы хотелось. Я убежден, что если прольется наша кровь... то это будет самый лучший фундамент Русской Католической Церкви, иначе мы будем не жить, а прозябать среди нашего темного, беспробудного, "советского" быта...»

Соловки (1926–1929)

26 апреля 1926 г. по ходатайству Политического Красного Креста о. Леонид был освобожден досрочно с запретом проживания в шести крупнейших городах и пограничных областях СССР. Местом жительства он выбрал Калугу, где настоятелем католического храма служил знакомый ему ксендз. Оттуда 23 мая 1926 года о. Леонид написал письмо, которое показывает его любовь к Святейшему Отцу: «Хотелось бы мне, чтобы как-нибудь было доведено до сведения Святейшего Отца, что я так глубоко тронут его заботами обо мне недостойном, что мне становится подчас стыдно за такое незаслуженное участие и что я думаю о том счастливом моменте, когда лично смогу поклониться его апостольским стопам». Но на свободе о. Леонид Федоров пробыл недолго. 10 августа 1926 года он был арестован в Могилеве, вывезен в Москву, 26 сентября вновь осужден и отправлен на 3 года на Соловки.

В воспоминании о. Доната Новицкого читаем: «В середине октября 26 года прибыл на Соловки наш дорогой и глубокочтимый отец экзарх; мы уже знали, что на этот раз его великое “преступление” заключалось в том, что он из Калуги приехал в Могилев и там всколыхнул массы бывших униатов, которые сами напомнили ему о вере их отцов и дедов и просили послать к ним униатского священника. Как сейчас помню момент встречи с ним. Я быстро оказался в знаменитой 13 роте и в первой темной комнате направо от входа увидел отца экзарха в ужасных условиях среди так называемой шпаны (мелкий уголовный элемент). Он был одет по-светски, в строгой оригинальной шляпе. Сердце мое сжалось, когда я увидел в таком виде и в таком обществе отца экзарха – бледно, усталого. Он очень обрадовался мне.

Несмотря на усталость, он как всегда был бодр. Насколько помню, я довольно быстро получил разрешение на его нелегальный выход из карантина в нашу роту для обеда. Отец Николай и Балашов радостно приветствовали нашего архипастыря. Если я не ошибаюсь, почти на другой же день по его приезду мы устроили ему возможность совершить святую литургию. А какая была радость для сестер и для всех нас, когда после отбытия двухнедельного карантина отец экзарх появился в нашей часовне, совершил в ней торжественную службу и сказал нам мудрую и сердечную проповедь, как всегда

«Помните, что наши обедни на Соловках, возможно, единственные в России обедни восточных священников, молящихся за Россию; надо стремиться во что бы то ни стало отслужить хотя одну обедню в день».

стильную и сильную. Больше всех, кажется, радовалась Ел.М. Нефедьева, которая глубоко почитала отца экзарха еще и за то, что он был тем первым се-

рьезным духовником в ее жизни, который руководил ею после ее обращения (приблизительно в 1920 году)».

Между тем Петр Михайлович Волконский напоминает нам, насколько важной в жизни на острове была Евхаристия: «Сначала было разрешено для проведения служб использовать одну заброшенную часовню. Потом последовало запрещение служить вообще. Приходилось служить тайно, где попало: в подвалах, в лесу на камне или под защитой развесистой ели. Обедни ухитрялись служить на чердаке под самой крышей: было так низко, что все могли стоять только на коленях и служить приходилось только по ночам. Воистину оправдывалось замечание одного местного следователя-большевика: “Где ксендз, там и обедня”. Так проходили месяцы и годы. Эти постоянные заботы о возможности совершить Святую Жертву, эти служения обеден во мраке ночи под постоянным страхом быть застигнутым на “месте преступления”, постоянные за-

боты о том, как достать вина, хлеба, облачение, утварь, – все это заставляло наших ссыльных проходить большую школу духовной жизни. И жизнь эта была сильным ключом и оставила в их душах светлые воспоминания: если, обыкновенно, советский гражданин с содроганием и проклятием вспоминает о пребывании на Соловках, то один из наших священников (после восьми лет ссылки) пишет в своих воспоминаниях: «Я счастлив, что был на Соловках...»».

Епископ Слоскан пишет об отношениях экзарха с православными: «На Соловках я встретился с о. экзархом в августе 1928 года. После моего выхода из лазарета нас поместили вместе, не только

заключенных, а также с православными священниками и епископами – Соловецкими узниками, как и мы. В особенно тесном контакте о. экзарх находился с Высокопреосвященным архиепископом Илларионом Троицким, бывшим ректором Московской духовной академии и правою рукою Патриарха Тихона. Они всегда беседовали на апологетические темы, касающиеся Церкви: Восточной Православной и Западной Католической. Однажды была между ними горячая беседа о папской безошибочности в делах веры и нравственности, как догмате Католической Церкви. Ясно, что Высокопреосвященный Илларион был убежденным противником этого догмата.

под одной крышей, но в одной комнате, в бывшей монастырской келье. Как сегодня помню, нас там было девять человек католических священников. Монашеские кельи не велики. Тесновато нам было, но уютно. Мы тайно служили св. Литургию, когда кто мог; исповедовались друг у друга; по возможности исповедовали и причащали наших верующих. Отец экзарх всегда старался войти в контакт с православными. Он общался с православными монахами Соловецкого монастыря, разделявшими участь других

Отцу экзарху как-то удалось при помощи соловецких монахов проникнуть в бывшую монастырскую библиотеку, и там он нашел подлинный текст провозглашения этого догмата. При следующей встрече о. экзарх показал своему собеседнику архиепископу Иллариону этот подлинный текст католического учения о папской безошибочности. Его Высокопреосвященство, внимательно его прочитавши (он хорошо владел латинским языком), руками развел и прямо сказал, что он должен признаться, что никогда до сего

момента не видел подлинного текста догмата о папской непогрешимости и что, прочитавши текст, он должен откровенно сказать, что в таком толковании учение о папской безошибочности является совершенно приемлемым для Православной Церкви. До сего времени Высокопреосвященный владыка был убежден, что, провозглашая догмат, Папа налагает на верующих свою личную веру, и это всё. Согласно же догматическому тексту выходит, что Папа лишь открывает всем верующим постоянную, непрерывную веру святой Церкви. Папа лишь торжественно провозглашает эту веру Церкви, сам ей покоряется и делает ее обязательной для всех верующих. Такова была деятельность о. экзарха на Соловках среди православных».

О его внутренней жизни в Соловецком лагере оставила нам свидетельство его прихожанка Ю.Н. Данзас, бывшая узницей Соловков одновременно с экзархом. По состоянию здоровья ее назначили счетоводом и библиотекарем при так наз. «Музее Соловецкого общества краеведения», имевшем пропагандистские антирелигиозные цели. Экспонаты в основном не представляли материальной ценности. Но среди них хранились ризы и каменное изголовье православного святого, митрополита Московского Филиппа Колычева (1507–1559), бывшего игумена Соловецкой обители, замученного по приказу Ивана Грозного, перед которым он посмел отстаивать права Церкви. Посетив здесь Ю.Н. Данзас, о. Леонид Федоров начал с горечью говорить о неудаче своей миссии: «Я не сумел выполнить возложенной на меня миссии. На моих трудах не было благословения, и, следовательно, я не сумел его заслужить... Да ведь виноват все-таки я. Ответственность лежала

на мне, а не на ком-либо другом. Мои молитвы были неуютны Богу...» Желая успокоить его душевные муки, Ю.Н. Данзас достала хранившиеся в музее ризы митр. Филиппа и, положив их на колени экзарха, сказала: «Ведь и он, надо думать, считал себя в чем-то виновным. В Отрочем монастыре, перед смертью, он, наверное, все припоминал, что упустил что-то, не доделал что-то, и, может быть, плакал о том, что усилия его и молитвы не доходили до Бога. А ведь именно он был одним из тех камней, на которых держится доньяне русское христианство. Отец Леонид, мне ли вам указывать, что ваши страдания – венец нашего подвига и залог нашего будущего?» Успокоившись после молит-

вы, о. Леонид Федоров отвечал: «Мало еще кто понял, что мессианизм в России – именно в ее страдании. Поэтому вся история Русской Церкви сложилась так странно, так нелепо, что тут имеется какая-то тайна искупления. Может быть, вклад Русской Церкви в сокровища Церкви Вселенской и заключается именно в том, что она только через страдание, а не через победы, показы-

вает нам свою принадлежность к Мистическому Телу Христову. Для нас "победа, победившая мир" – это крест, вознесенный над миром не для поклонения ему, а для распятия на нем...»

В 1929 г. многие католические священники были вывезены с главного Соловецкого острова на о. Анзер и размещены на командировке Троицкая. В июле 1929 туда был перемещен о. Леонид Федоров и находился там вплоть до своего освобождения из лагеря в августе того же года.

Прекрасно выразил роль русских католиков в то время о. экзарх. Он сказал: «Мы – удобрение для духовного возрождения России».

“
Мы жертва за схизму
Востока, я не устану
повторять это всегда,
и должны с терпением
нести этот крест...
Мы – удобрение для
духовного возрождения
России...”

Соловки, монастырская гавань. Начало XX века

Архангельск (1929–1933)

Большой, о Леонид был освобожден из лагеря в 1929 г. и отправлен в ссылку. В 1931 г. последовал новый арест и шестимесячное заключение в Архангельской тюрьме, в крайне тяжелых условиях. Затем о. экзарх был освобожден и снова отправлен в ссылку, в деревню вблизи г. Котлас, где он работал на каком-то заводе. «Как и ранее в пинежской ссылке, так и на новом месте он старался регулярно совершать литургию. Заручившись поддержкой одной католички, бывшей сестрой милосердия

в больнице и в пересыльных бараках, о. Леонид использовал всякую возможность, чтобы проникать в эти труднодоступные места и приносить Св. Дары ссыльным и заключенным католикам» (А. Юдин). В 1933 г. он был снова освобожден по ходатайству Е. Пешковой (с запретом жить в 12 крупнейших городах и пограничных областях СССР).

О том, каким тяжким было страдание блаж. Леонида, свидетельствует его переписка:

«Многоуважаемый Михаил Львович...

Архангельск, 20-е годы XX века

Пий XI, Хирограф «Сі сомтиовопо» (Мы глубоко расстроены) 02.02.1930

«Эти святотатства и кощунства совершаются с особой жестокостью не только против священников и зрелых верующих, но и против других жертв, поклоняющихся Богу; среди всех них мы особенно отмечаем наших дорогих сынов, священников и католиков, заключенных в тюрьмы, сосланных и отправленных на принудительные работы, в том числе двух епископов, наших святейших братьев Болеслава Слоскана и Александра Фризона, и нашего представителя в славянском обряде, католического экзарха Леонида Федорова».

Срок мой действительно кончен. На этот счет ГПУ не возражает, но продолжается обычное здесь кормление "завтраками", когда приходишь с целью узнать, когда же наконец будет дана виза на выезд? К начальнику попасть невозможно. Обыкновенно предлагают подать заявление, а оно идет в корзину или в иное хорошее место. Здесь есть люди, сидящие по 3, 6, 8 и более месяцев сверх срока. Я видел одного получившего визу через 1 год 4 месяца! Трехмесячный стаж сидения сверх срока считается "обычным пустяком", но есть и такие счастливицы, которые получают визу на 2 или 3 день после подачи заявления. Получили ли Вы мое первое заявление? Я послал его заказным письмом 15 августа. Искренно прошу извинить меня за беспокойство, т. к. дело угрожает затянуться, а мои письма Екатерине Павловне регулярно не доходят. Осмеливаюсь кстати попросить прислать мне хоть пару белья, кубиков Maggi, сахару и какой-нибудь крупы, т. к. благодаря неурожаю картофеля мы терпим большой недостаток во всем. Базар пустой, а мясо и масло не

по карману. Наконец, еще раз прошу, не будет ли возможно найти какой-нибудь непромокаемый плащ, т.к. то, в чем я хожу, представляет собой одно сплошное недоразумение (куплен еще в 1926 году), скорее помогающее дождям и туманам проникать до моих старых костей, нежели защищающее их от непогоды.

Остаюсь глубоко благодарный Л. Федоров».

№ IV-21 <ГАРФ ф. 8409 оп. 1 д. 720 л. 31,310б> <надписана дата 21/XI-32>

Пий XI, Хирограф «Сі сомтиовопо» (Мы глубоко расстроены) 02.02.1930

«К сожалению, эти три пункта, которые больше всего обрадовали бы церковную иерархию, к несчастью, отделенную от Католической Церкви, были отвергнуты из-за сиюминутных интересов, в то время как ими на самом деле следовало бы дорожить, если бы правительства уважали права Бога, Его царство и правосудие; к сожалению, было также отвергнуто наше вмешательство, направленное на спасение от уничтожения и сохранение для традиционного использования святынь и икон, составляющих сокровище милосердия и искусства, дорогого всем русским сердцам; как бы то ни было, мы были несколько успокоены избавлением от судебного процесса главы иерархии, к сожалению, отделенной от полноты общения с Католической Церковью, Патриарха Тихона и эффективностью оказанной ему помощи. Щедрое пожертвование католического мира избавили от голода и ужасной смерти более 150 тысяч детей, которых каждый день кормили наши посланники, пока они не были вынуждены оставить свой милосердный труд, поскольку было предпочтено отправить тысячи невинных на смерть, чем видеть их накормленными из христианской любви».

Кончина блаженного в Вятке (07.03.1935)

“
*Дети
приоткрыли
дверь на улицу.
В нее влетел
голубь, сделал
три круга над
телом о. Леонида
и вылетел
опять в ту же
открытую
дверь*”

В Котласе, при все обострявшемся ревматизме, гастрите, подагре, ишиасе, астме, состояние о. Леонида настолько ухудшилось, что в конце 1933 г. власти пустили его на свободу, ограничив ее запрещением проживать в двенадцати городах («минус 12»).

Отец Леонид выбрал себе местом жительства город Вятку. Туда он прибыл прямо из Котласа в первых числах января 1934 г. Со станции о. Леонид пришел в дом заведующего железнодорожным складом Андрея Калинина. Привел его туда знакомый Калинин, с которым о. Леонид, по-видимому, только что познакомился, и сказал хозяину, что Леониду Ивановичу Федорову было трудно жить в Котласе и он хотел бы поселиться здесь у него. Дом был его собственный, но сам Калинин имел в нем только одну комнату, в которой жил с женой и тремя детьми. Он не отказался принять о. Леонида, так как «в комнате было еще немного свободного места около окна в углу». ГПУ разрешило о. Леониду поселиться в доме Калинина. Отец Леонид предложил платить ему 10 рублей в месяц за койку с услугами. И он, и жена согласились и обаялись оказывать ему все услуги, какие только будет возможно.

Калинин сообщил позже, что он старался как можно лучше ходить за о. Леонидом. Ему казалось, что о. Ле-

онид был доволен; то же самое говорили и окружающие. Раз или два о. Леонид чувствовал себя плохо, но ничего опасного в этом еще не было. Доктор Молчанов никогда не отказывался сделать что мог, чтобы прийти ему на помощь.

Так, тихо и кротко, день за днем, о. Леонид жил у этих добрых людей, пока силы совсем его не оставили. Резкая перемена произошла в его состоянии только в начале марта 1935 г., за два-три дня до кончины. Отец Леонид не мог больше есть хлеб, который его хозяйка выпекали, не мог пить чай, который когда-то любил. Питался он одним теплым молоком с сухарями. До последнего момента он был в полном сознании. Собирался даже переехать из Вятки в Смоленск или Ярославль. Запасы его подходили к концу, но он не хотел их возобновлять и сказал об этом Калинину:

– Не буду больше ничего покупать, так как трудно будет везти с собою.

Отец Леонид надеялся, что дня через четыре ему станет легче, силы вернуться. Свое недомогание он объяснял влиянием дурной погоды на мучивший его ревматизм.

– В сырую погоду я чувствую себя хуже.

В феврале он все кашлял, не мог никак избавиться от этого кашля. В последние дни доктор Молчанов

заходил к нему несколько раз. Отец Леонид очень благодарил его за внимание, но по своему обыкновению не жаловался ни на что. Доктор тоже ему ничего не сказал, когда навещал последний раз в шесть часов вечера. Он прописал три рецепта: один на лекарство, а два других – на анализы. Уходя, он все же предупредил жену Калинина, что Леонид Иванович недолго протянет.

В ночь на седьмое марта о. Леонид поел немного сухарей, но не имел больше силы подняться с постели. Седьмого марта, в одиннадцать часов, он попросил дать ему теплого молока. Выпив стакан, он сказал:

– Теперь я посплю по меньшей мере часа два.

После этого о. Леонид лежал неподвижно. Калинин в этот день был свободен. Он предложил о. Леониду купить вина «Кагор», думая, что оно может его подкрепить. Отец Леонид ответил:

Дом, в котором скончался Леонид Федоров

– Это мне ни к чему. Жена Калинина топила печь, сам же он стоял подле кровати о. Леонида. А тот продолжал лежать так же спокойно и с открытыми глазами. Жена собиралась идти в город и справилась у о. Леонида, не нужно ли чего-нибудь и ему. Но он все смотрел перед собой и ничего не ответил. Руки его покоились на груди, правая поверх левой. Калинин отошел от постели, и жена подозвала его:

– Уж не умирает ли он?

Калинин поглядел внимательно на о. Леонида и обратился к нему, что тот не моргает больше веками. Вся семья собралась теперь у постели. Калинин снова обратился к о. Леониду:

– Скажи мне, пожалуйста, что нам следует делать? Тебе плохо?

Но о. Леонид опять не ответил и, по словам Калинина, лежал в постели так, словно конец его близился. А они все стояли подле него и смотрели.

Отец Леонид продолжал лежать неподвижно, с открытыми глазами и не моргая. Остановилось дыхание. Калинин сразу это заметили. Потом лицо стало бледнеть. Все точно ждали чего-то, стоя возле мертвого о. Леонида. Так и простояли, не прикасаясь к нему, до второго часа дня. Не знали, что делать. На случай смерти о. Леонид ничего не сказал. Кого им теперь нужно уведомить?

Да, сомнений не было, о. Леонид действительно умер. Калинин его омыли и бережно одели в чистое платье. В комнату зашел навеститься кое-кто из соседей.

Дети приоткрыли дверь на улицу. В нее влетел голубь, сделал три круга над

телом о. Леонида и вылетел опять в ту же открытую дверь.

Калинин оставил тело о. Леонида у себя в доме, не желая отдавать в мертвецкую при городской больнице.

10 марта, после того как были выполнены все законные формальности, в 8 часов вечера, когда уже стало темнеть, семья Андрея Калинина похоронила тело Российского экзарха, протопресвитера о. Леонида.

Свой рассказ «касательно Леонида Ивановича Федорова», адресованный Красному Кресту, Калинин закончил словами:

– Мы похоронили его, сделав все, что в таких случаях полагается.

В 1991 г. состоялась гражданская реабилитация Л. Федорова:

Из «Заключения по материалам

архивного уголовного дела №18415 в отношении Федорова Леонида Ивановича, арестованного 10 августа 1926 года, обвиненного 18 сентября 1926 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ за антисоветскую агитацию, заключенного в концлагерь на три года, 12 июля 1929 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ выслан по отбытии наказания в Северный край на три года (...) подпадает под действие Постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июля 1991 года «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 20–80 годов в Республике Беларусь», – утверждено Начальником отдела Прокуратуры Республики Беларусь старшим советником юстиции И.И. Суховерх, 22.05.1992».

“ Нет сомнения, что своей подвижнической жизнью и мученической кончиной за веру он стяжал спасение души своей и со спокойной совестью предстал пред Всевышним Судьей (епископ Амудрю) ”

Духовность блаженного экзарха

Любовь ко Христу

Когда Его юный избранник стал было совсем терять веру, благодать Божия внезапно осенила его и произвела такой переворот, что он оказался окончательным и решил судьбу всей дальнейшей жизни. Сам Господь напомнил ему о Себе. Перед Леонидом встал живой образ Христа – Спасителя мира, пролившего Свою драгоценную кровь ради грешных людей, предавших Его. Этот образ запечатлелся в нем тогда очень ярко и с тех пор не покидал его уже никогда. Леонид стал сознательным верующим и, как следствие этого, аполлетом христианства. Отсюда был уже один шаг до того, чтобы посвятить всего себя Церкви.

Любовь к истинной Церкви

«Мне было уже 20 лет, когда путем усердного чтения и изучения святых Отцов, Соборов и истории Церкви я пришел к убеждению в истинности Вселенской Церкви... Католическая Церковь была для меня не только источником познаваемой вечной истины, но и стала для меня новой силовой купелью, из которой я вышел совершенно обновленный».

«Я хорошо разобрал, что Католическая Церковь – истинная Церковь Христова».

«Sentire cum ecclesia – это мой принцип, который я воспринял в себя всеми фибрами своего существа, и именно на основании этого принципа не хочу

жить иной жизнью, как только той, на которую указывает мне св. Церковь».

«Все слишком ясно, яснее дня, яснее солнца, очевиднее самых очевиднейших истин: св. Вселенская Церковь восьмого столетия и догматически и

канонически признавала над собой власть и главенство епископа Римской церкви».

«Католичество не есть ни латинское, ни греческое, ни славянское явление: оно охватывает все эти обособленные черты и превышает их всех, основываясь на данных истинной веры».

«С того времени, как я присоединился к Католической Церкви, единственной задачей моей сделалось приблизить мою Родину к той Церкви, которую я считаю истинной».

Любовь к Папе, Риму и Святому Престолу

«Отец Леонид, еще раз повторяю, любил и Рим, и Россию, но – и в этом все дело – он любил Рим иначе, чем Россию, и любил Россию иначе, нежели Рим. (...) Первой любовью о. Леонид любил римское католичество, второй – русское православие. Но эти чувства, еще раз повторяю, восходили у него к одному и тому же источнику, к сыновней любви [к] Господу Богу, Который одинаково хочет, чтобы все без изъятия, и в том числе – поляки и русские, принадлежали к одной и той же пастве Христова Наместника». Из воспоминаний об о. Леониде Федорове о. Д. Кузьмина-Караваева.

“ Я хорошо разобрал, что Католическая Церковь – истинная Церковь Христова ”

«Ваше Высокопреосвященство соблаговолило закончить Свое письмо разрешением мне заниматься этим делом частным образом. За это разрешение я очень благодарен и всегда

готов служить делу Унии. Готов всегда и во всем быть "di valido aiuto alla Santa Sede" ("быть действительно полезным Св. Престолу"). Боже мой, чего бы я не дал, чтобы оказать какую-нибудь услугу Святейшему Престолу и доказать свою верность, свое сыновнее послушание и любовь, свою веру в священные догматы, предметом которых и их Августейшим представителем является Святейший Отец!»

«Разрешите мне, Ваше Высокопреосвященство, закончить это слишком длинное письмо тем же заявлением, которым оно начинается. Бог мне свидетель, что я был послушен и никогда не сходил с пути той святой добродетели, быть верным которой я поклялся, принося свои пожизненные монашеские обеты. Я буду повиноваться во всем, посредством всего и всегда; мой идеал – умереть за католическую веру и

за послушание Наместнику Христа. Да будет мне свидетелем в этом Господь!»

Любовь к митрополиту и поместной Церкви

«Спасибо, дорогой, милый Отец, за Ваше письмо! Наконец-то светлый, радостный луч, наконец-то струя чистого воздуха в мое исстрадавшееся сердце! Вспомнишь о Вас и снова хочется жить, получишь от Вас весточку – и снова хочется работать! Как хотелось бы обнять Ваши ноги, всю жизнь не знающие покоя, услышать дорогой голос, неумолчно вещающий Христову истину!»

«Следовательно, и необходимое подчинение велениям Божиим, исходящим из центра христианского единства – Рима, – не только не нарушает "единения духа в союзе мира", но наоборот укрепляет его. Как Апостолы, подчиняясь Христу, ничего от этого не теряли, так и каждая Церковь – Российская или какая-нибудь другая, – подчиняясь Наместнику Христа, не потеряет своей свободы, а наоборот, раз навсегда избавится от засилия светской власти, которая то в лице царей и правительств, то в лице мирян душила и будет душить в Церкви всякую попытку к совершенству и свободному самоопределению».

«Я потому так долго останавливаюсь на этой теме, что вижу ошибку, которую делает подавляющее большинство униатов: они идентифицируют Вселенскую Церковь с провинциальной латино-римской и дух этой последней принимают за дух Вселенского христианства. Хотя римская Церковь в догматическом отношении и mater omnium ecclesiarum, однако этот ее авторитет не распространяется на субъективные стороны религиозного уклада каждой отдельной церкви. Мы должны и в этом

отношении сообразоваться с ее религиозным прогрессом и с величайшим уважением прислушиваться к ее материнскому голосу, но настолько, насколько это не нарушает основных черт нашего религиозного самосознания и специфического характера

“ Отец Леонид

служил изумительно...

**Во время «Верую»,
когда он простирал покров
над Святыми Дарами,
у него дрожали руки ”**

нашей Церкви. Они забывают, что всякая Церковь, после своего присоединения к римской, имеет такую же благодать и так же, как латинская Церковь, является представительницей Вселенской Церкви, имеет с нею во всем равные права, как и все провинциальные Церкви – итальянская, испанская, польская и другие.

«Вы неправы, – пишет он владыке Андрию, – когда говорите, что синодальный обряд более испорчен, чем галицийский. Правда, укорочены всемогущие, царесловие, ревущие диакона, лохматый клир, широкие рясы и камилавки разных цветов и рангов и т. п. – все это искажения, однако искажения свои, родные, выросшие на нашей русской почве, налет татаро-русской грубости на благородстве и изяществе греческой формы. Эти искажения не затрагивают сущности обряда, а галицкий воляпюк выработался из смеси народно-русской и польской

культуры. Восточные черты, которые еще сохранились, уже представляют из себя мертвый балласт, например: самый иконостас фигурирует только как украшение церкви, как знамя русской национальности на польской земле; он не необходимая пища, как у нас, а только десерт после обеда».

«Для понимания истинного благоговения к Св. Престолу и уважения к обряду нужен иконостас, роскошный престол с ковром, капетазма, лампы. Только такая обстановка способна удерживать восточную и, особенно, развильявшуюся русскую натуру в страхе Божиим, внушить ей мистический трепет перед алтарем и храмом. Отсюда уже будет вытекать любовь к богослужению и правилу, чем и процветает Афон».

Любовь к божественной литургии

«Бывают отдельные моменты (в особенности в церкви во время богослужения), когда моя душа вдруг как бы молодеет, наполняется необычайной энергией и бодростью. Хочется сделать действительно последовательным Христа... Но увы, скоро такое настроение пропадает и снова берет верх духовная лень».

«Я уверен, конечно, что Вы ни на минуту не забываете нашего братского общения и молитесь за меня, но прошу молиться специально о том, чтобы Господь помог мне легче переносить отсутствие Божественной Литургии».

«Отец Леонид служил изумительно... Во время «Верую», когда он простирал покров над Святыми Дарами, у него дрожали руки, и за этим дрожанием как бы слышалось трепетание веры перед непостижимой и в своей непостижимости очевидной истиной Церкви» (Из воспоминаний об о. Леониде Федорове о. Д. Кузьмина-Караваева).

«Служение обедни составляло средоточие всей духовной жизни о. Леонида. С момента произнесения возгласа "Благословенно царство" в церкви сразу наступала настороженная тишина, производившая впечатление даже на православных, не знавших о. Леонида; в один голос они все отзывались: "служит изумительно"».

«Всегда после обедни, разоблачившись в ризнице и отдав распоряжение, о. Леонид возвращался в алтарь и подолгу оставался там и молился».

«Служил он с большим благоговением. Во время литургии его благоговение было так велико, что оно действительно притягивало к Богу».

Любовь к святой унии

«Несмотря на желания слуг Искупителя, несмотря на усилия наместников Божиих на земле, вплоть до сего времени трудно было успешно работать над воссоединением с истинной Церковью оторванной от нее восточной половины христианства. (...) Преследовавшаяся в течение стольких веков, искореняемая огнем и мечом, из моря слез и крови, из-под развалин и руин – восстает сегодня снова святая Уния. Восстает та Уния, что сотни лет была мечтой многих Пап, что собрала в себе столько усилий великих мужей и столько страданий великих мучеников. Восстает, чтобы далее вести свое дело единства, дабы помогать, чтобы

"было одно стадо и один пастырь"».

«Дело в том, что Ваше Высокопревосходительство относительно крайне отрицательно к той святой Унии, которой я предан всей душой».

«Главной целью мы считаем распространение и популяризацию самой идеи Унии, распространение здравых идей о католичестве и сближение с православным духовенством».

Любовь к Родине

«Моя жизнь принадлежит Родине, и я охотно отдам за нее последнюю каплю моей крови, пусть только оставят в покое мою совесть, которая принадлежит Господу Богу и ему Единому на веки! Аминь».

«С этим церковным и глубоким аполитизмом был связан своеобразный патриотизм о. экзарха. Он любил Родину глубокой, воистину сыновней любовью, свободной от какого бы то ни было самомнения и заносчивости. Русская история представлялась ему, в отличие от многих других национальных деятелей, еще не законченной и не завершенной, и самое завершение этой истории мыслилось ему в виде вхождения России в общую семью католических государств. Так благо Церкви и благо народа совпадали для него в возвращении России в паству св. Петра, и потому для него римское католичество и русский патриотизм не были и не могли быть противоположны» (Из воспоминаний об о. Леониде Федоро-

ве о. Д. Кузьмина-Караваева. Парфентьев, № V-04, С. 424)».

«Все мое страдание происходит от того, что я презираю всем существом эту Россию, которую так люблю...»

«Россия – не Конго и Замбези, не Китай и Япония, куда нужно идти и проповедовать с крестом в руке, а страна с очень древней, в плоть и кровь вошедшей христианской культурой, в сущности своей вполне католической и искаженной только по форме и по своему применению на практике».

Любовь к единству

«В этом случае разности Церквей ничуть не мешают делу единения».

«Союз христианских Церквей не политическая комбинация, основанная на принципе "do ut des" (даю, чтобы ты дал), но – союз Божественный, скрепленный единством веры и одухотворенный любовью».

«Призри, Милосердный Господи, Иисусе, Спасителю наш, на молитвы и воздыхания грешных и недостойных рабов Твоих, смиренно к Тебе припадающих, и соедини нас всех во единой, святей, соборней и апостольстей Церкви. Свет Твой незаходимый пролей в души наша. Истреби раздоры церковныя, дай нам славить Тебя единым сердцем и едиными устами и да познают вси, что мы верные ученики Твои и возлюбленные дети Твои. Владыко наш многомилостивый, скоро исполни обетование Твоё и да будет едино стадо и един Пастырь в Церкви Твоей и да будем достойны славить Имя Твоё Святое всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Что бы он ни делал, молился или исполнял что-нибудь, всегда легко было заметить, что все сводилось к одной цели: принести пользу воссоединению своих братьев с Католической Церковью».

«Он очень страдал от того, что его народ отделен от Апостольского Престола. Никакая работа для дела воссоединения его не страшилась. За него он готов был пролить свою кровь».

Любовь к монашеской жизни

«Провидение указывает мне другую дорогу: я оказался хорошим проповедником, апологетом и незаменимым, пока,

специалистом по вопросам схизмы. Меня впоследствии нужно будет освободить даже от душепастырства и дать возможность работать языком на кафедре и пером у себя в комнате. Непреодолимая тяга к монашеству и единению усиливается во мне настолько, что я думаю теперь не о студитах, а о камальдулах.

Даже в качестве проповедника и специалиста по вопросам схизмы я продержусь только до появления тех лиц, которые вполне смогут заменить меня на этом поприще, а потом буду усиленно проситься на покой, и надеюсь, что Вы, дорогой Отец души моей, пожалеете избитого душевно человека и не откажете ему в заслуженном покое. Мне ведь уже 42 года, и если продержусь в миру еще лет 5-6, то это будет чудо благодати Божией. Главное – во мне нет таланта воспитывать людей и привязывать их к себе, нет никакой охоты к делам администра-

тивного характера, никакой начальнической выдержки, никакой любви к общественности».

«Книга, келья, спокойное стояние на клиросе и бесконечные службы, а прежде всего одиночество и бегство от людей – вот моя атмосфера... Соединить же апостольскую жизнь с созерцательной я не могу. Вы знаете, как я люблю иезуитов, но никогда не решусь вступить в их орден, т. к. этот идеал для меня недостижим... Самое

Любовь к смирению

«Вы пишете “ut exarcha fiat episcopus” (да станет экзарх епископом)... Не обвиняйте меня, дорогой Владыко, в малодушии, в желании свалить с себя, со своих плеч тяжелое бремя и возложить его на другого. Я помню, что обещал Вам не отказываться от епископства, когда это будет необходимо, но эти пять лет моего иерархического служения показали мне, что я совершенно не пригоден для этого великого сана... У меня нет самых

Судебный процесс в Москве над католическим духовенством. Леонид Федоров – третий справа в первом ряду

тяжелое для меня – это люди... В эти тяжелые годы я, иногда разбитый и измученный, вместо того, чтобы лечь спать, садился в кресло и в полной тишине и одиночестве, при свете одной только лампы, просиживал в кресле два-три часа и наслаждался уединением. Я осознавал себя совершенно оторванным от мира, ни о чем почти не думал и смотрел на лик Христа, озаренный тихим светом лампы... “Все суета и томление духа”. Какая сущая правда».

существенных свойств, необходимых епископу, у меня, к сожалению, нет даже духа любви к моим верным, мало духа молитвы, нет твердой, непреклонной воли проводить мои реформы, нет прозорливости и знания людей, умения не только “вести свою линию”, но и внушать ее другим...»

«У меня нет любви к человеческому обществу. Про меня справедливо говорят, что “он мученик, но не организатор”, в том именно смысле, что я, безусловно, вынослив, но не умею

заставить окружающих меня проникнуться моими идеями...»

«Как я благодарен Создателю, что Вы тогда (т. е. при назначении экзархом) удержали свою десницу и не возложили ее на меня. Я не принадлежу, как Вы знаете, к тем лицемерно скромным субъектам, которые, заявив с воплем и рыданием о своем недостойнстве, потом смиренно подставляют под омофор “выи своя”. Я человек здравого и сухого рассудка, который заставляет меня серьезно относиться ко всякому делу, а в особенности – к делу святой Церкви. Если я – хороший проповедник – обладаю детальным знанием Восточной Церкви, умею хорошо служить и ощущать дух восточного обряда; если я терпелив как осел и умею гнутья во все стороны; если я развиваю иногда большую энергию, защищая Церковь, и не щаю для этого сил и здоровья – это еще не патент на епископство. Все это с успехом может сделать любой священник...»

«Вам скажут о моей любви, ласковости, будут превозносить мои кротость и терпение, даже будут говорить о моем умении проникать в человеческую душу. Но все это только мои отдельные усилия, virtus ex necessitate (усилия по необходимости), усилия, которые не укладываются в мою сущность, никогда не делаются моим внутренним “Я”... Я строго проверил себя и пришел к тому убеждению, что “рожденный ползать летать не может”...»

«Для России в качестве епископа нужен теперь человек святой, исполненный gravitate sacerdotali (священнического авторитета), прозорливый, твердый, умеющий внушать к себе уважение... Протянуть несколько лет в качестве экзарха я еще кое-как сумею, но принять на себя такую громадную ответственность, т. е. быть первым восточным епископом в России – это свыше моих сил...»

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «БЕЛЫЙ КАМЕНЬ»

**УНИКАЛЬНАЯ КНИГА!
История Католической Церкви в России**

Наиболее полное издание, в доступной форме рассказывающее о жизни католиков России в разные периоды. Подробно представлено участие католиков в культурной и общественной жизни России. Книга призвана развеять мифы и стереотипы о российских католиках. Уникальные фотографии, твердая обложка. Для широкого круга читателей.

**ХИТ ПРОДАЖ!
Франсиско Карвахал.
В общении с Богом. Том III**

Размышления на I-XII неделю рядового времени между пасхальным и рождественским периодами. Автор делится своим опытом и мыслями, внимательно прочитывая тексты Священного Писания. Книга помогает соединить повседневную жизнь христианина с ежедневными молитвами и чтением Библии.

**НОВИНКА!
Жан-Франсуа де Лувенкур
Франциск и Жасинта из Фатимы**

Автор впервые предлагает читателю повествование о духовной жизни пастушков из Фатимы Франциска и Жасинты, сопровождаемое библейским прочтением полученной ими вести. Книга раскрывает современному миру пророческий смысл откровений Фатимы.

Хронология

- 11.04.1879. Леонид Иванович Федоров родился в Петербурге.
- 1892–1900 гг. — появление и развитие русского греко-католического движения (Н. Толстой, В. Соловьев, А. Зерчанинов и др.).
- 1902 г. — окончил Петербургскую духовную академию.
- 06.01.1902. — принял католичество в Риме.
- 22.05.1908 — кардинал Гаспари именем Папы Римского назначил о. Алексея Зерчанинова главой миссии русских католиков восточного обряда.
- 1902–1909 — учился в Папской коллегии в Ананьи и во Фрейбургском университете.
- 1905–1907 гг. — свобода католического вероисповедания в России; законодательное закрепление свободы перехода в католичество и исповедания католического вероучения.
- 1907–1917 гг. — некоторое ухудшение положения католиков России.
- 1907, лето — Первый Велеградский съезд.
- 22.05.1908 — кардинал Гаспари именем Папы Римского назначил о. Алексея Зерчанинова главой миссии русских католиков восточного обряда.
- 1909, июнь — Второй Велеградский съезд.
- 1909–1911 — префект Львовского института.
- 1–30.01.1910 — первая поездка в Россию (месяц).
- 1–24.02.1911 — вторая поездка в Россию (месяц).
- 25.03.1911 — рукоположение в сан католического священника восточного обряда в Константинополе.
- 27.07.1911 — Третий Велеградский съезд. Избран комиссаром, написал последнее письмо.
- 11.1911–04.1912 — третья поездка Леонида Федорова в Россию (4 месяца).
- 07.1912 — Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел допускает существование Русской Католической Церкви восточного обряда.
- 04.1912–12.1913 — монах в студитском монастыре Св. Иосифа в Каменице, Босния.
- 07.1912 — Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел допускает существование Русской Католической Церкви восточного обряда.
- 12.02.1913 — пострижен в монахи с именем Леонтий.
- 01-06.1914 — четвертая поездка о. Леонида в Россию (полгода).
- 05.08.1914 — арестован и сослан в Тобольск.
- 1917 г. — Февральская революция; разработка законоположений, отменяющих вероисповедные ограничения в отношении католиков.
- 02.04.1917 (15.04.1917 н. ст.) — возвращение о. Леонида в Санкт-Петербург.

- 30.04.1917 (13.05.1917 н. ст.) — первое явление Богородицы в Фатиме.
- 28-31.05.1917 (10-13.06.1917 н.ст.) — Первый Собор Российской Греко-католической Церкви.
- 31.05.1917 (13.06.1917 н. ст.) — о. Леонид назначен экзархом Российской Греко-католической Церкви. Второе явление Богородицы в Фатиме о Непорочном Сердце Марии.
- 30.06.1917 (13.07.1917 н.ст.) — третье явление Богородицы в Фатиме о судьбе народов России.
- 1919–1920 гг. — первые преследования католического духовенства (в т. ч. первые расстрелы священников).
- 1921–1924 гг. — голод в Поволжье и других регионах и деятельность Папской миссии по оказанию помощи голодающим в России; кампания по изъятию церковных ценностей; фактическая национализация имущества, в т. ч. храмов; закрытие церквей (Петроград и др.).
- 1920–1925 гг. — попытки дипломатических переговоров Св. Престола с РСФСР и СССР о свободе религии и католического культа.
- 01.03.1921 — Папа Бенедикт XV утвердил Леонида Федорова экзархом с пожалованием ему титула апостольского протонотария.
- 22.11.1922 — арестован в Петрограде, в тот же день освобожден.
- 23.02.1923 — вновь арестован по групповому делу католического духовенства.
- 21-26.03.1923 — судебный процесс в Москве над католическим духовенством. По Постановлению Военного трибунала приговорен по ст. 63 и 119 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах.
- 26.04.1926 — досрочно освобожден с запретом проживания в 6 крупных городах. Поселился в Калуге.
- 10.08.1926 — арестован в Могилеве и препровожден в Москву.
- 18.09.1926 — по Постановлению Особого совещания Коллегии ОГПУ приговорен к 3 годам концлагеря.
- 26.09.1926 — отправлен на Соловки.
- 13.08.1929 — освобожден из лагеря и сослан в г. Пинегу (Архангельская область), где проживал в д. Воспола.
- 1931, начало — вновь арестован.
- 20.04.1931 — сослан на 3 года в Котлас.
- 1933, конец — освобожден из ссылки с запретом проживания в 12 крупных городах. Жил в Вятке.
- 07.03.1935 — умер в Вятке.
- 27.06.2001 — во время Божественной литургии по византийскому обряду во Львове Папа Иоанн Павел II причислил Леонида Фёдорова к лику блаженных Католической Церкви.
- 27.06.2001 — LITTERAE APOSTOLICAE SICUT ABUNDAT: День памяти в Католической Церкви 27 июня.
- 2004 г. — Notitiae XL (2004), p. 425: (Concessiones circa Calendaria) Russia dei Latini: 27 iunii, Beati Leonidae Fiodorov, presbyteri et martyris, memoria ad libitum (27 maii 2004, Prot. 269/04/L).
- 2004 г. — учреждение ординариата для греко-католиков Российской Федерации (ординарий — еп. И. Верг, Новосибирск).

Избранная библиография

ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИСТОЧНИКИ

1. Аввакумов, Ю. – Гайова, А., Митрополит Андрей Шептицкий і греко-католики в Росії, Видавництво УКУ, Львів 2004, 973 ст. (далее МАШГКР).
2. Бурман фон, Василий, диакон. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Рим, 1966. Переиздание: Львов, 1993, 833 ст. (далее ДВ).
3. Парфентьев, Павел. «С терпением мы должны нести крест свой...»: Документы и материалы о жизни и деятельности блаженного священномученика экзарха Леонида (Федорова). СПб, Керигма, 2004. 505 с. (далее ДМЖЛФ).

ТРУДЫ ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА

1. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: А. Спасский. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Сергиев Посад, 1906 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909). С. 6-12.
2. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Э.И. Мищенко. Речи Святого Апостола Петра в книге деяний Апостольских. Киев, 1907 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909). С. 18-22.
3. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: С.П. Мельгунов. Церковь и государство в России. Москва, 1907-1909 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909). С. 22.
4. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: П.В. Никольский. Письма о русском богословии. СПб., 1905 и 1907 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909). С. 27.
5. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Епископ Стефан. Православно-христианское нравственное учение по сочинениям Иннокентия, архиепископа Херсонского.

Могилев, 1907 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909), С. 72-74.

6. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: С. Савинский. Христологическая беседа Христа Спасителя. Киев, 1906 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909), С. 75-76.
7. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Prof. I.V. Попов. Идея обожения в древневосточной Церкви. Москва, 1909 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909), С. 83-84.
8. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: А. И. Булгаков. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви. Киев, 1906 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909), С. 158-160.
9. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Т. Мышковский. Взгляд св. Иоанна Златоуста на верховную власть ап. Петра. Львов, 1908 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 5 (1909), С. 161-162.
10. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Проф. М. Тареев. Основы Христианства. Серг. Пос., 1908-10 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910), С. 12-17.
11. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: И. Троицкий. Обзорение источников начальной истории египетского монашества. Сергиев Посад, 1907 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910), С. 76-77.
12. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: А. Соколов. Методика Закона Божия. Москва, 1900 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910). С. 146-147.
13. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Владимир Андерсон. Старообрядчество и сектанство. СПб., 1909 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910). С. 199.

14. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: Nicola Franco. La difesa del Cristianesimo per l' unione delle chiese. Roma, 1910 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910) С. 129-130.
15. Leonini, Dr. (pseud. Leonid Fedorov), рецензия на латинском языке на книгу: J. Ruinaut. Le schisme de Photius. Paris, 1910 (Ref. Dr. Leonini), *Slavorum Litterae Theologicae*, 6 (1910). С. 252-253.
16. 1910-1914. Отчеты о поездке в России, 1910.01 (МАШГКР, с. 355-371); 1911. без даты (МАШГКР ст. 381-402); 17.05.1912 (МАШГКР с.457-491); 09.06.1914 (МАШГКР С. 645-697).
17. 1910. Cremoni A. (pseud. Leonid Fedorov), Congressi di Velehrad e l'opera dell'unione delle Chiese, nella rivista Roma e L'Oriente, rivista criptoferrarese per l'unione delle Chiese, I (1910-1911), 39-47; 233-242.
18. 1911. Cremoni A. (pseud. Leonid Fedorov), Relazione del Congresso di Velehrad, nella rivista Roma e L'Oriente, rivista criptoferrarese per l'unione delle Chiese, II (1911), 249-256.
19. 09.08.1911. Проект для журнала «Велеградський Вісник» о Третьем Велеградском Съезде. МАШГКР, С. 423-430.
20. 1911.09. Проект устава для Богословского института во Львове. МАШГКР С. 438-46.
21. 29.05.1912 до 29.11.1913 Каменьские письма. Письма митрополиту Андрею Шептицкому о своем призвании и о своей жизни в монастыре Св. Иосифа. МАШГКР С. 492 -601.
22. 04.03.1914. Рим и иконоборческая ересь. «Слово Истины», 15 (март 1914), С. 40-44; 16 (апрель 1914), С. 56-61 (ДМЖЛФ № I-01. С. 10-25).
23. 07-08.1914. Страничка из религиозной полемики XIII века. «Слово Истины», 19 (июль 1914). С.104-106; 20 (август 1914), С. 118-121. (ДМЖЛФ № I-02, С. 26-35).
24. 03.12.1914. Письмо С.Д. Сазонову, г. Тобольск, ДМЖЛФ № II-25, С. 149-156.
25. 1915.06-1916.04. Вопрос о папской власти в XI столетии. «Слово Истины», 30 (июнь 1915). С. 274-279; 31-32 (июль-август 1915), С. 296-299; 33 (сентябрь 1915), ст.321-324; 36 (декабрь 1915), С. 366-370; 37 (январь 1916), С. 387- 389; 38 (февраль 1916), С. 398-400; 39 (март 1916), с.418-421; 40 (апрель 1916), С. 434-438. (ДМЖЛФ № I-03, С. 36-79).
26. 09-10.1916 «Дар Константина». «Слово Истины», 45 (сентябрь 1916), С. 512-514; 46 (октябрь 1916), С. 527-531. (ДМЖЛФ № I-04, С. 80- 92).
27. 25.08.1917 Обращение Л. Федорова к католикам латинского обряда с просьбой о пожертвованиях. ДМЖЛФ № III-10, 189-193.
28. 09.1917 Да будут все едино! «Слово Истины», 57 (сентябрь 1917), С. 680-685 (ДМЖЛФ № I-05, С. 93-100).
29. 01-03.1918. Несколько мыслей по поводу нового папского указа. «Слово Истины», 61-63 (январь-март 1918), (ДВ780-85; ДМЖЛФ № I-06, 101-108).
30. 01.1919. Меморандум о Леониде Федорова по поводу «соглашения», приложенного к инструкции 30 августа 1918 г. заведующему охранительным отделом комиссариата юстиции Р. А. Теттенборну. ДМЖЛФ № III-21, С. 203-208.
31. 18.07.1920. Письмо экзарха Леонида Федорова к о. Александру Евреинову. Петроград, Логос, 48 (1993) с.45-62 (ДМЖЛФ № III-27, выдержки, С. 214-225).
32. 02.03.1921 Правила для священников грековосточного обряда Российского Экзархата, проживающих при латинских храмах Могилевской архиепархии, (ДМЖЛФ № III-31, 231-235).
33. 05.12.1921. Lettera a Benedetto XV su Von Roop.
34. 06.04.1922. Lettera a Pio XI chiedendo aiuti per gli affamati della Russia.
35. 05.05.1922. Rapporto a Pio XI sulla situazione del esarcato.
36. 30.07.1922. Notizie inviate a Pio XI dall'esarca Feodoroff.
37. 27.10.1922. Заявление экзарха Русской Католической Церкви Л. И. Федорова в стол регистрации обществ и союзов Петроградского района о форме «расписки» по передаче храмов верующим. ДМЖЛФ № III-47, С. 281-283.
38. 07.12.1922. Заявление Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета гражданину Калинин. Петроград, ДМЖЛФ № III-53, С. 297-302.
39. 13.12.1922. Письмо о. Владимиру Абрикосову, машинописная копия, обрывается в конце, Москва, ДМЖЛФ № III-54, С. 302-314.
40. 28.12.1922. Письмо А.И. Абрикосовой, Петроград, ДМЖЛФ № III-55, С. 315-317.
41. 22.03.1923. Защитительная речь экзарха русской Католической Церкви Л. Фёдоро-

- ва, Центральний Державний Історичний Архів у Львові (дальше ЦДІАЛ), ф. 358, оп. 3 т., спр. 115, арк. 107-111. (ДБ 517-31).
42. 16.05.1923. Письмо митрополиту Андрею Шептицькому из Сокольнической тюрьмы г. Москвы. ЦДІАЛ, ф. 358, оп. 3т., спр. 115, арк. 112-118.
 43. 23.05.1926. Письмо митрополиту Андрею Шептицькому из Калуги. ЦДІАЛ, ф. 358, оп. 115, арк. 144-146.
 44. 21.11.1932. Письмо от о. Л. Федорова в Политический Красный Крест. ДМЖЛФ № IV-21, с.348-349.
- ЛИТЕРАТУРА**
1. Asnagli A. L'esarca russo L. I. Fedorov, Russia Cristiana, nn. 3,5,6 (1960).
 2. Бургос А. Русские экзархи в «Папском ежегоднике» (Annuario Pontificio), Дом Непорочного Сердца, 18 (2013), С. 42-46.
 3. Волконский П.М., князь. Экзарх Леонид Федоров. Ясна путь, 7-9 (1938), С. 16-23.
 4. Волконский П.М., князь. Экзарх Леонид Федоров (некролог). Логос 48 (1993), С. 10-44. (ДМЖЛФ № V-03, С. 393-427).
 5. Волконский П.М. Краткий очерк образования Русской Католической Церкви в России. Издание об-ва Св. Иоанна Златоустаго, Львов 1930, 44 с. (Символ 38 (1997) с.145-165).
 6. Будзінський бр. Г.[Григорій]. О. Леонтій. Ясна путь, 11-12 (1936) с.9-13.
 7. Венгер А. Рим и Москва: 1900-1950, пер. с фр.; предисл. Н. Струве, М., 2000.
 8. Гайова О. Пам'яті Екзарха РКЦ о. Леоніда (Федорова). Лавра 3 (1999), С. 14-24.
 9. Гедеон Иеромонах. Інтерв'ю з іеромонахом Гедеоном (Григорієм Сироїдом) від 2. 09. 1998 р., Унів, Архів Святоуспенської Унівської Лаври. – Ф. 1. – Спр. 2. Том. 2.
 10. Герф Е. Блаженный экзарх Леонид Федоров. Истина и Жизнь, 10 (1993).
 11. Данзас Ю.Н. Воспоминания об экзархе Л. Федорове. Париж, 1936, август-сентябрь 1937 г., ЦДІАЛ, ф.201, оп. 46, спр. 1577, арк. 387-419. Ориг., маш.
 12. К увольнению о. Леониды Федорова от должности экзарха и к упразднению экзархата в России. Логос 48 (1993), С. 152.
 13. Калинин А. Воспоминания А. Калинина о пребывании и смерти Леониды Федорова. ЦДІАЛ, ф.358, оп. 3т, спр. 114, арк. 5-8.
 14. Католики на Соловках, 1925-1937. Науч.-информ. центр «Мемориал»; Римско-католический приход Св. Станислава, Спб, 1997, 44 ст.
 15. Колупаев В. Новые архивные документы об экзархе Леониде Федорове. Дом Непорочного Сердца, 20 (2013), С. 42-45; 21 (2013), С. 42-45.
 16. Korolevsky, Cyrille, Le Metropolitane Andre Szeptycky, Grottaferrata, 1921.
 17. Козлов-Струтинский С., Парфентьев П. История Католической Церкви в России. Белый Камень, Царское Село, 2014.
 18. Кузьмин-Караваев Д. Воспоминания об о. Леониде Федорове. ДМЖЛФ № V-04, С. 418-428.
 19. Из життя кружка «Леонтівців». Ясна путь, 6 (1936), С. 3.
 20. Информационная служба архиепархии Божией Матери в Москве. «Блаженный Леонид Фёдоров: память и наследие», международная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения блаженного Леониды Фёдорова. Киров, 14.12.2009, Римско-Католическая архиепархия Божией Матери в Москве, Информационный бюллетень, 30 (24 декабря 2009), С. 6-7.
 21. Леонтівець, бр. Перше свято о. Леонтія в Уневі, Ясна путь, 7-8 (1936), С. 1-3.
 22. Licharewa Z. Egzarcha Leonidas Fiodorow, Oriens 3 (1935) с.67.
 23. Lodi Vittorio. Leonida Feodorof, Apostolo per l'unione delle chiese. Roma 1957. 80p.
 24. Mailleux Paul. Exarch Leonid Fedorov: Bridgebuilder between Rome and Moscow, P.J. Kennedy & Sons, New York, 1964.
 25. Mailleux Paul, Entre Rome et Moscou. L'Exarque Léonide Féodoroff, Desclée de Brouwer 1966.
 26. Маргинюк Ерм. Теодор. Vita, morte martiriale i gloria del beato martire Leonid Fedorov, exarca del Chiesa grecocattolica rusa. 1879-1935. CONGREGATIO DECAUSIS SANCTORUM, Leopolitana Ucrainorum et aliarum Beatificationis seu Declarationis Martyrii Servorum Dei Nicolai Charnetskyj Episcopi e Congregatione Ss.mi Redemptoris et XXV sociorum in odium Fidei, uti fertur, interfectorum. Positio super martyrio, vol. I, Roma 2001, с. 542-563. украинский онлайн перевод на <http://pc.studyty.org.ua/content/view/5/13/>: Життя, мученича смерть і слава мучеництва бл. свщчюч. Леоніда Фьодорова, екзарха Російської греко-католицької Церкви (1879-1935).

- Постуляційний Центр Монастирів Студійського Уставу.
27. Modesto P. Exarch Leonid Fedorov, Russia Cristiana, n. 7-8 (1964), p. 55-56.
 28. Найближче оточення про бл. п. о. Леонтія. Ясна путь, 3 (1937), С. 9-11, 17-18.
 29. Новицкий О. Донат. Мои воспоминания, Машинописная копия из архива «Славянской библиотеки» в Лионе, ДМЖЛФ № V-02. Из соловецких воспоминаний о. Доната Новицкого, С. 368-392 Père Donat Nowicki, Moscou et Solowki: résumé et extraits du P. D. N. au sujet de la persécution des catholiques russes de rite oriental à Moscou et des déportations d'un certain nombre d'entre eux dans les îles de Solowietzk; trad. par le P. Jack Woroniecki, O. P., S. I., 1933.
 30. Осипова И.И. «В язвах твоих сокрой меня...»: Гонения на Католическую Церковь в СССР. Серебряные нити, М., 1996, 240 с.
 31. Осипова И.И. «Возлюбив Бога и следуя за Ним...»: Гонения на русских католиков. По воспоминаниям и письмам монахинь-доминиканок Абрикосовской общины и материалам следственных дел 1923-1949 гг., М., 1999.
 32. Парфентьев П. Служение блаженного Леониды Федорова в России. Доклад, представленный на конференции «Блаженный Леонид Фёдоров: память и наследие», приуроченной к 130-летию со дня рождения первого российского экзарха Российской Греко-католической Церкви (Киров, 14 декабря 2009 г.), http://www.cerkva.od.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=485&Itemid=52
 33. Parravicini G. L'icona "italiana" del beato Leonid Fedorov, La Nuova Europa 5 (2002).
 34. Резникова И. Католики на Соловках. Спб, 1997.
 35. Резникова И. Православие на Соловках. СПб, 1994, С. 158-159.
 36. Св. Теодор Студ. Рим – о. Леонтій, Ясна путь, 1-3 (1939) с.17-18.
 37. Семибратов В.К. Экзарх Леонид Фёдоров в котласской и вятской ссылке. «Двинская земля», вып. 4, Вельск 2005, С. 250-251.
 38. Слосканс Б. Еп. Воспоминания об экзархе Федорове. Россия и Вселенская Церковь, 40 (2), март-апрель 1958, С. 3-7. Эти воспоминания послужили предисловием к брошюре V. Lodi: Leonida Feodorof, изданной в Риме в 1957 г. Treveri ed. – Roma. Sloskans B. Témoin de Dieu chez les sans-Dieu: Journal de prison de Mgr Boleslas Sloskans: Du baigne des îles Solovki à la déportation en Sibérie. Paris: Aide à l'église en détresse, 1986, pp. 204.
 39. Тумовський іеромонах Леонтій. До проблематики духовності екзарха Леоніда Федорова, <http://pc.studyty.org.ua/content/view/35/13/>
 40. Флиге И.А. Католическая коммуна на о. Анзер: 1929–1932. Вестник Мемориала 6 (2001) СПб., С. 140-166
 41. Экзарх русских католиков Леонид Федоров. Новая Европа, 15 (2002), С. 66-81.
 42. Экзарх Леонид Федоров – глава русских католиков восточного обряда. Логос, 48 (1993), Брюссель-Москва. Изд. Жизнь с Богом, С. 10-62.
 43. Юдин А.В. Леонид Федоров, Христианская Россия. М., 2002, 308с.
 44. Юдин А.В. Экзарх русских католиков Леонид Федоров. Новая Европа, 15 (2002). С. 69.
 45. Юдин А.В. «Католическая идея» в русской культуре первой трети XX в.: концепция и практическая деятельность Л.И. Федорова.
 46. Judin A. Leonid Fëdorov. La Casa di Matrona, Milano-Roma, 1999, pp. 176.
 47. Ю – ко. Слідами Св. Отців. Ясна путь, 6 (1936), 4 (1937).
 48. Шептицкий А. Русский католический экзархат, Ex Oriente. Grünwald Verlag, Mainz, 1927, с. 66-78. (ДМЖЛФ, № VI-07, С. 453-466).
- САЙТЫ**
1. <http://www.grkat.nfo.sk/feodorov/index.htm>
 2. <http://feodorof.blog4ever.net/articles>
 3. <http://pc.studyty.org.ua/content/category/3/2/13/>
- ВИДЕО**
1. Экзарх Федоров – между Истиной и тьмой. ОТЧИЙ ДОМ. – <http://youtu.be/zvNzJtxuQeg?list=PL-WbaJOIGBhA5K9vnxKVYxD8WFN9dQvtQC>
 2. Международная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения блаженного Леониды Фёдорова – <http://youtu.be/FDv3Qp6dXCY>

Молитва к блаженному экзарху Федорову

Официальная молитва

Господи Боже мой!

Из глубины души моей отдаю коленопреклонение
Твоей безграничной Величественности.

Благодарю Тебя за щедрость и дары,
коими Ты наделил Твоего верного слугу
иерея Леонида Федорова.

Прошу Тебя, прославь его также и на земле.

Умоляю Тебя, удели мне в Своем Отцовском милосердии
благодать, о которой Тебя с кротостью умоляю.

Аминь.

Молитва к блаженному Первоэкзарху

О, премилосердный Боже,

Своим Божественным промыслом подаривший
Российской Греко-католической Церкви Первоэкзарха,

который посвятил всю свою жизнь
любви к Истинной Церкви и Родине,

чтобы их приблизить, соделай так,

чтобы мученичество Пастыря

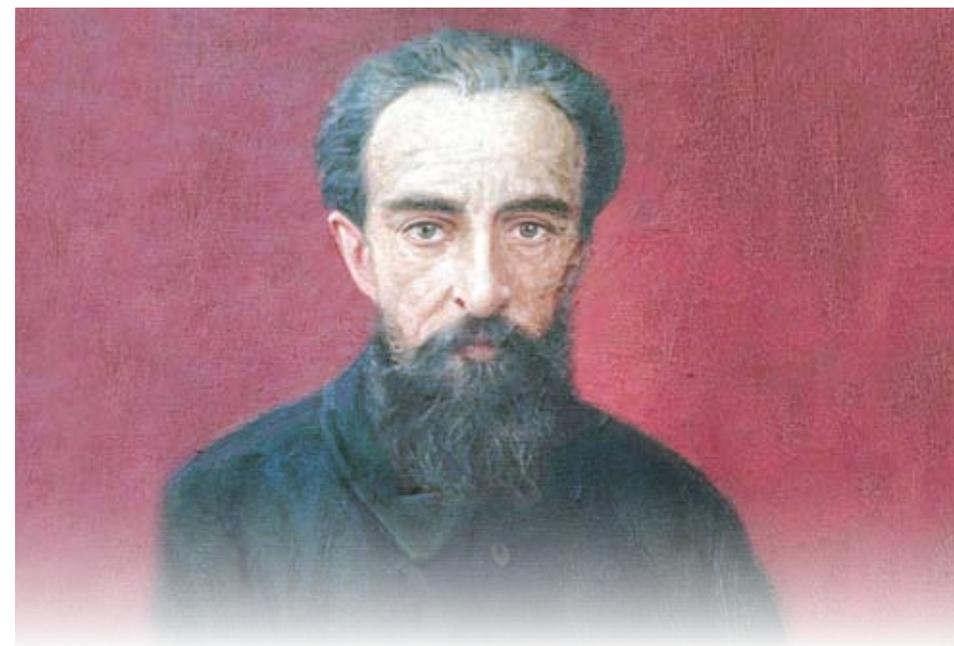
стало прочной основой для развития Своей Церкви,

соизволь прославить Твоего слугу

Блаженного Леонида в лике святых

и его заступничеством внемли моей мольбе

о которой с кротостью умоляю.

Молитва о соединении христиан экзарха Леонида Федорова

*Призри, Милосердный Господи, Иисусе,
Спасителю наш, на молитвы и воздыхания
грешных и недостойных рабов Твоих,
смиренно к Тебе припадающих,
и соедини нас всех во единой,
святей, соборней и апостольстей Церкви.*

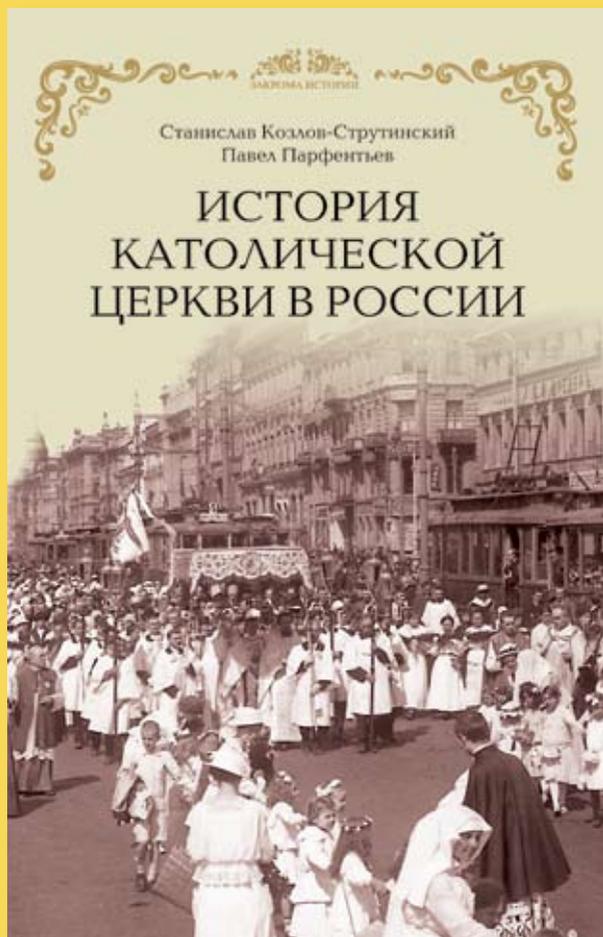
Свет Твой незаходимый пролей в души наша.

*Истреби раздоры церковная,
дай нам славить Тебя единым сердцем и едиными устами
и да познают все, что мы верные ученики Твои
и возлюбленные дети Твои.*

*Владыко наш многомилостивый,
скоро исполни обетование Твое
и да будет едино стадо и един Пастырь
в Церкви Твоей*

*и да будем достойны славить
Имя Твое Святое всегда, ныне
и присно и во веки веков. Аминь*

НОВИНКА ИЗДАТЕЛЬСТВА

Уникальное произведение,
посвященное истории русского католичества.
Издание в доступной форме рассказывает
о жизни католиков России. Твердая обложка, почти 900 страниц,
459 фотографий, 16 исторических карт.
Книга станет прекрасным подарком
или украсит Вашу библиотеку.

заказывайте на сайте
www.beliy kamen.com